

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

ДОРОГА

Взгляд из вечности

Александра Маринина

Дорога

«Автор»

2009

Маринина А.

Дорога / А. Маринина — «Автор», 2009 — (Взгляд из вечности)

Все не так просто, не так ладно в семейной жизни Родислава и Любы Романовых, начинавшейся столь счастливо. Какой бы идиллической ни казалась их семья, тайные трещины и скрытые изъяны неумолимо подтачивают ее основы. И Любе, и уж тем более Родиславу есть за что упрекнуть себя, в чем горько покаяться, над чем подумать бессонными ночами. И с детьми начинаются проблемы, особенно с сыном. То обстоятельство, что фактически по их вине в тюрьме сидит невиновный человек, тяжким грузом лежит на совести Романовых. Так дальше жить нельзя – эта угловатая, колючая, некомфортная истина становится все очевидней. Но Родислав и Люба даже не подозревают, как близки к катастрофе, какая тонкая грань отделяет супругов от того момента, когда все внезапно вскроется и жизнь покатится по совершенно непредсказуемому пути...

© Маринина А., 2009

© Автор, 2009

Александра Маринина

Дорога

– Какой ужас! – сокрушался Камень. – Поверить не могу, что с Родиславом такое случилось. Ну, секретарши и адвокатессы по случаю – это, конечно, неприятно, но вполне объяснимо. Но такое! Ты меня расстроил, Ворон. Ах, как ты меня расстроил!

– А я, думаешь, сам не расстроился? – Ворон и в самом деле чуть не плакал. – Твой Родислав изменил моей Любе. Да будь моя воля, я бы его с потрохами склевал! И она из-за него мучается, бедняжка, и еще Олег это масло в огонь подливает, к измене склоняет. Если и Люба теперь изменит Родиславу – я этого не переживу! Я брошу тогда этот сериал на полдороге, черт с ним, не буду досматривать, а то у меня сердце не выдержит.

– Какая семья была! – поддержал его Камень. – Образцовая, показательная, хоть картины с них пиши. Всем на зависть! И такая пошлость... Нет, это просто уму непостижимо! Такая любовь, такое взаимное доверие, такая теплота – и вдруг на тебе, какая-то Лиза, какой-то Олег. В голове не укладывается.

Они долго сетовали на превратности судьбы, потом чуть не поссорились, выясняя, кто именно, Люба или Родислав, виноват в том, что такой чудесный брак дал трещину. Ворон, естественно, отстаивал интересы Любы и с пеной у клюва доказывал, что виноват Родислав, потому что первым начал изменять жене, Камень же твердо стоял на том, что в любой супружеской измене виноваты оба супруга, ибо если один из них ищет чего-то на стороне, стало быть, другой ему этого недодает, и, таким образом, с Любы вину тоже снимать нельзя. Ворон не соглашался, злобно каркал, бил Камня клювом по боку, размахивал крыльями у него под носом, в то время как Камень считал свой подход диалектическим и, как истинный философ, отстаивал свою позицию, апеллируя к различным категориям этики.

Ворон выкричался, охрип и улетел смотреть дальше, а Камень немедленно призвал на помощь Змея.

– Что скажешь? – требовательно спросил он.

Змей немного подумал, потом подполз поближе и улегся, образовав вокруг Камня толстое зеленоватое переливчатое кольцо.

– Ничего однозначного тебе не скажу. Ты – философ, тебе и решать. Могу только добавить некоторые детали, которые наш когтистый источник информации упустил. Ты его не ругай, он все это видел, ничего не пропустил, просто он у нас с тобой глуповатый и не понимает, какие это важные вещи.

– Например, что? – живо заинтересовался Камень.

– Ну, например, то, что у Любы в ванной полотенца четырех цветов. У Родислава темно-красные, у Николаши светло-зеленые, у Лели розовые. А теперь угадай с трех раз, какого цвета полотенца у самой Любы.

– Голубые, – брякнул наугад Камень.

– Не угадал. Вторая попытка.

– Черные.

– Третья попытка.

– В цветочек! Или в полосочку. В общем, разноцветные.

– Опять мимо. У Любы, мил-друг, полотенца белые. Как в гостинице или в больнице. И это при том, что подружка Аэлла все годы постоянно делает им подарки в виде импортного постельного белья и полотенец, так что этим добром семья обеспечена во всех цветовых вариантах и на долгие годы вперед. Ты понимаешь, что это означает?

– Нет. А что это означает?

– Да то, что она не хочет ничем никому мешать, ничем выделяться, чтобы никого не раздражать. Она даже отказалась от цвета полотенец, чтобы ее цвет, не дай бог, кому-то глаз не резанул. Она старается быть как можно более незаметной в своей семье, не в том смысле, что ее не должны замечать, а в том, чтобы никому не помешать и для всех быть удобной и комфортной. Она стремится ни для кого не быть раздражителем – вот так я бы сформулировал.

– Думаешь? – с сомнением произнес Камень.

Теория Змея показалась ему какой-то, прямо скажем, сомнительной.

– Уверен. Придумай другое объяснение, почему женщина, имеющая в своем распоряжении полшкафа разных полотенец всех мыслимых расцветок и рисунков, выбирает для себя казенный белый цвет. Придумай – и я с готовностью буду его обсуждать. А пока ты думаешь, я тебе еще одну детальку нарисую. Вот ты знаешь, какую музыку Люба любит?

– Понятия не имею. Ворон ничего об этом не говорил.

– Ну еще бы! Наш оперенный корреспондент сам в музыке ни черта не смыслит, поэтому внимания на нее не обращает. Так вот, Люба у нас любит Скрябина, Прокофьева и джаз.

– И что с того? – не понял Камень, который о музыке знал только понаслышке, сам никогда ее не слышал и слабо представлял себе, о чем могут говорить музыкальные пристрастия людей.

– А Родислав классическую музыку не приемлет вообще, он любит рок и советскую авторскую песню, ну там Окуджаву, Высоцкого, Галича, Клячкина, Кукина, Городницкого и иже с ними.

– А, этих знаю, – обрадовался Камень. – Мне Ворон пел. Со слухом у него, конечно, не так чтобы очень, так что мелодию я оценить не могу, но стихи помню. И насчет рока тоже что-то помню, живьем, само собой, не слышал, но Ворон рассказывал. Ну так что же?

– А то, что Родислав Скрябина, Прокофьева и джаз на дух не выносит, не понимает, но, как бы сказать... стесняется, комплексует из-за того, что не понимает и не любит, потому что принято считать, что все культурные люди должны любить Скрябина и Прокофьева, а продвинутые должны обязательно тащиться от джаза. А он, понимаешь ли, не любит и не тащится, вот ведь беда какая. Так Люба покупает пластинки с той музыкой, которая ей нравится, прячет в бельевой шкаф и слушает, когда Родислава дома нет. Чтобы он, не дай бог, не начал раздражаться. А при нем делает вид, что ей эти «Зеппелины» и «Юрай Хипы» нравятся, вместе с ним слушает, когда ему приспичит музычкой побаловаться.

– Н-да-а, – протянул Камень озадаченно. – Вот не подумал бы, что у них так далеко все зашло. Это же получается, что Люба себе во всем на горло наступает, только бы быть для всех белой и пушистой, а Родислав и остальные этим пользуются, так, что ли?

– Именно так, – подтвердил Змей. – И только благодаря этому их семья производит на всех впечатление благополучной, а Люба считается идеальной женой.

– Что значит «считается»? – недовольно заметил Камень. – Она и есть идеальная жена. Да, это трудно – наступать себе на горло во всем, но зато это позволяет Любе быть такой женой, о какой мечтает каждый человеческий самец. Скажешь, нет?

– Ну почему же? – усмехнулся Змей. – Скажу твердое «да». Вопрос в том, правильно ли это.

– Что – правильно? Быть идеальной женой? Конечно, правильно.

– Да с этим-то я не спорю. Вопрос в другом: правильно ли иметь такой идеал жены, что женщине приходится давить саму себя, чтобы ему соответствовать. Идеал-то кто придумал? Мужики. В смысле человеческие самцы. Они его под себя придумывали, понимаешь? Создали такую модель, какая им удобна для существования, и внедрили в сознание человеческих самок: дескать, вот вам образец для подражания, а если вы не соответствуете, то и не обижайтесь тогда, что мы вас бросаем и жить с вами не хотим. А женщин они спросили, когда модель свою придумывали, могут ли женщины быть такими? Не спросили.

– Ну, это ты зря. У самок тоже есть свое представление об идеальном самце, и они тоже самцов не спрашивали, удобно ли им быть такими. Просто придумали и начали требовать, чтобы самцы соответствовали, а иначе начинаются скандалы, выяснения отношений и домашняя лесопилка.

– Так в том-то и беда! – воскликнул Змей. – Ты, как настоящий философ, зришь в корень проблемы, только не можешь ее сформулировать. А все потому, что твоя философия оторвана от естественно-научных знаний, она такая, знаешь ли, вещь в себе, ни с чем окружающим не соприкасающаяся. А естественные науки, в частности медицина и особенно наука о мозге, давно уже доказали, что мужчины и женщины устроены совершенно по-разному не только в смысле деторождения, но и в смысле мышления, отношения с миром и эмоционального строя. Мужчины, когда придумывали свой идеал жены, ориентировались только на себя, они и в голову не брали, как на самом деле устроены женщины и какими они могут быть, а какими не могут в принципе. Ту же ошибку допустили и женщины, когда формулировали для себя идеал мужчины. Да вот хоть самый простой пример возьми: самки хотят, чтобы самец был добытчиком, приносил к очагу мясо, но при этом находил время заниматься детенышами и имел физические и душевные силы быть с самкой мягким, нежным и любящим и помогать ей поддерживать огонь в очаге.

– А что в этом плохого, скажи на милость?

– Плохого-то ничего, только оторвано от реалий. Если самец умеет быть добытчиком, это означает, что он жесткий, отважный, грубый, сильный, быстрый и что он тратит на добывание пропитания все свои силы и время. Когда ему детенышами заниматься и очаг поддерживать? Откуда у него возьмется нежность и мягкость? Если нежность и мягкость, тогда уж не добытчик, а так, мальчик на побегушках. Нежный и мягкий и на детей время найдет, и самке поможет, и ласковое слово ей скажет, но мяса в избытке к очагу уже не притаранит. Одно исключает другое. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – задумчиво ответил Камень. – Получается, чтобы быть идеальным мужем, самец должен уметь добывать пропитание, а потом прикидываться нежным и мягким, то есть обманывать, так, что ли?

– Ну, примерно. Зато если он на самом деле добрый и нежный, то обманывать и прикидываться добытчиком он уже не сможет. Можно подделать чувства и эмоции, а способности и физическую мощь подделать нельзя, они или есть, или их нет. И вот если доброму и мягкому все-таки приходится притворяться добытчиком, знаешь, что получается?

– Что?

– Он становится шакалом. Пропитание-то надо добыть, а как, если нет ни силы, ни прыти, ни умения, ни жестокости, если не умеет в спину бить и глотку рвать? Значит, приходится воровать или мародерствовать, чтобы жена была довольна. И тысячи нормальных приличных самцов ввязываются в авантюры ради быстрого обогащения, позволяют себя использовать, потом оказываются в долгах или, еще хуже, в тюрьме. Имущество отбирают, семья страдает. А все почему? Потому, что самки придумали принципиально невозможный идеал и требуют, чтобы самцы ему соответствовали. И у самок такая же история: самцы хотят, чтобы в быту самки полностью растворялись в мужьях и ничем их не раздражали, то есть не имели собственной индивидуальности, но в постели чтобы были именно индивидуальны и неотразимы. А как женщина может быть в сексе индивидуальной и неотразимой, если эту индивидуальность ей пришлось в себе затоптать, чтобы, не приведи господь, своему самцу чем-нибудь не помешать? Никак не может. Вот поэтому и получается, что яркие и сексуальные женщины остаются одни, с ними все с удовольствием крутят любовь, но жениться на них никто не хочет, потому что чувствуют: не станет она давить в себе собственную неповторимость. А покорные и готовые себя затоптать легко находят мужей, только эти мужья очень скоро начинают им изменять с яркими и сексуальными, но при этом разводиться ни в какую не хотят, потому что постель – это одно,

а жизнь бок о бок – совсем другое. Вот такой парадокс. Люди сами себе его создали, а теперь мучаются и не знают, как правильно жить.

– А ты знаешь?

– Что?

– Как правильно жить.

– Эх, мил-друг, да кабы я знал, как правильно жить, мне б цены не было, – с горечью произнес Змей. – Вся моя мудрость в том и состоит, что я точно знаю одно: ничего-то я не знаю. Слушай-ка, ты не заболел часом?

Змей плотнее прижался к Камню, на несколько мгновений замер, потом приподнял голову:

– Тебя, по-моему, знобит. И бронхи у тебя забиты мокротой, я слышу. Да ты, брат, простыл! Чем тебя полечить?

– Только Ветром, больше меня уже ничего не берет. Вот если он прилетает из Сахары, тогда мне хорошо помогает.

– Так, может, позвать его? Я знаю, где искать, он мне сказал, когда улетал.

– Да толку-то его искать! – безнадежно выдохнул Камень. – Он в Норвегии с биатлоном балуется, откуда там теплый сухой воздух? Там сырость и холод собачий.

– А что же делать? – огорчился Змей. – У тебя явно начинается бронхит, если немедленно не принять меры, он может перерасти в пневмонию.

– Буду терпеть, – сдержанно, с мужественной скорбью заявил Камень.

– Нет, это нельзя так оставлять, – забеспокоился Змей. – Скажи Ворону, пусть принесет тебе оттуда какое-нибудь средство, у людей полно всяких таблеток и микстур. Да вот хоть горчичники пусть принесет, штукек сто, и облепит тебя. Надо же как-то бороться с бронхитом.

– Нельзя, – строго сказал Камень. – Ничего оттуда приносить нельзя. Ты же знаешь правила. Не дай бог, что-нибудь нарушим, потом хлопот не оберешься. Ну представь, Ворон упрет из аптеки сотню горчичников, никто не заметит, потом придет ревизия, обнаружит недостачу, схватят материально ответственное лицо и в тюрьму упекут. Кому это надо?

Змей отполз на некоторое расстояние, послушал окружающий мир, потом повернул голову в сторону Камня.

– Но ты же можешь сделать так, чтобы никто не пострадал, – осторожно произнес он. – Ты же умеешь.

– Замолчи! – крикнул Камень и уже тише добавил: – Замолчи немедленно. Даже думать об этом не смей. Этого тоже нельзя делать. Мало ли что я умею. Нельзя – и все. Нельзя вмешиваться ни в прошлое, ни в будущее. И вслух никогда об этом не говори, чтобы никто не услышал.

Змей с интересом посмотрел на друга.

– Ты хочешь сказать, что никогда не нарушаешь правила? Никогда-никогда? Вот умеешь изменять реальность, но лежишь тут тихой сапой и никогда не пользуешься этим? Прости, мил-друг, но не верю.

– Ну и не верь, – сердито огрызнулся Камень. – Не больно-то и хотелось.

Это было его большой тайной, состоящей из двух тайн поменьше. Первой, кроме него самого, владели Ворон и Змей: Камень умел изменять реальность, причем в любых масштабах, от жизни маленького комара до исхода грандиозных сражений. Даже Ветру об этом знать не полагалось – разболтает по легкомыслию. А вот второй тайной Камень владел единолично: иногда он все-таки нарушал запрет и кое-что изменял. Так, по мелочи. Когда очень уж хотелось, когда начинало болеть сердце и не было сил терпеть и сопротивляться соблазну. Когда-то давно, еще в далекой молодости, Камень не был таким умным и менял реальность направо и налево, сообразуясь с собственными представлениями о благе и справедливости. И только с годами он понял всю мудрость запрета и стал его соблюдать. Для всех – соблюдать свято.

И только он один знал, что все-таки иногда нарушает. Правда, Змей почему-то усомнился... Неужели он, Камень, где-то допустил прокол и дал основания себя подозревать? Впрочем, Змей мудрый и хитрый, он чего не знает точно, о том догадаться может.

Камень не на шутку огорчился. Мало того, что у Любы с Родиславом все плохо, мало того, что бронхит начинается, так еще и Змей что-то заподозрил. Неудачный сегодня день.

* * *

В конце июня Родиславу поручили принять участие в работе над темой, требующей постоянных выездов в командировки: многие сотрудники захотели летом уйти в отпуск, а материал-то собирать надо, никто план научно-исследовательской работы не отменял, вот его и «пристегнули», как «пристегивали» почти ко всем темам, над которыми работал отдел: начальник знал, что майор Романов в сентябре будет поступать в адъюнктуру, поэтому включать его в какую-нибудь тему на постоянной основе бессмысленно, парню просто надо пересидеть несколько месяцев, так пусть помогает другим или выполняет внеплановые поручения.

Он с удовольствием уехал, предварительно договорившись с Лизой, что возьмет, как и полагается, билеты на поезд, которые потом сдаст в бухгалтерию для отчета, а сам вернется самолетом, купив билет на собственные деньги, и явится из аэропорта прямо к любимой. Таким образом, у них будет целых двадцать бесконтрольных часов, которые они проведут вместе, не расставаясь ни на минуту. Родислав подгадал таким образом, чтобы возвращение пришлось на субботу и Лизе не нужно было работать.

Это были упоительные двадцать часов счастья, которые они провели, не вылезая из постели. К вечеру, когда должен был прибыть поезд, Родислав вернулся домой, и вернулся, как всегда, с удовольствием: во время пребывания у Лизы им жаль было тратить время на приготовление еды, они перехватывали бутерброды, запивая их растворимым кофе, да и в командировке кормили отнюдь не разносолами, и он соскучился по настоящей вкусной пище. Кроме того, ему не терпелось рассказать Любе о своих новых впечатлениях, полученных в поездке. Лизе он, конечно, тоже кое-что рассказал, но совсем немного: ей это не было интересно, да и потом, им и без того было чем заняться.

Однако дома, наевшись и перекинувшись с женой буквально несколькими словами, Родислав почувствовал, что его сморило. Он засыпал на ходу. Еще бы, больше суток не спал, сперва отработал день на выезде, потом помчался в аэропорт, летел, ехал к Лизе и у нее тоже глаз не сомкнул. Он устал и смертельно хотел спать.

– Родинька, как же ты измучился в этой поездке, – сочувственно сказала Люба. – Пойдем, я помогу тебе принять душ, а то ты прямо в ванной уснешь. Помоешься – и сразу ложишься.

Она отвела его в ванную, заставила сесть в воду, намылила и поливала душем, а он перестал бороться со сном и то и дело задремывал. Потом она вытирала его темно-красным пушистым полотенцем, и Родислав Романов чувствовал себя самым счастливым человеком на Земле. Двадцать часов страстной любви – и впереди покой, прохладная чистая постель, крепкий долгий сон, а затем вкусный сытный завтрак. Хорошо, что завтра воскресенье, и хорошо, что ребята на даче, никто и ничто не помешает ему выспаться. Дача, дача... Наверное, придется завтра ехать за город к детям, повидаться и отвезти продукты. А он так хотел побыть дома!

– Завтра к детям надо... – пробормотал он, засыпая.

– Не надо, я сегодня уже съездила, – донесся голос Любы. – Все купила и все отвезла. Конечно, если ты хочешь...

– Я сплю, – тихо выдохнул он. – Я хочу только спать. Я очень устал.

– Спи, Родинька, спи, мой золотой.

Он мгновенно провалился в сон, успев подумать только о том, как он счастлив.

Следующая командировка не заставила себя ждать, и снова были купленные официально железнодорожные билеты и приобретенный за свой счет билет на самолет, и снова были чудесные, но пролетевшие так быстро часы, проведенные с Лизой. Потом была и третья командировка, потом еще одна, четвертая...

В середине августа Родислав возвращался из очередной поездки, на этот раз из Ленинграда. У него был билет на «Красную стрелу», выезд в 23.55, прибытие в Москву в 8.25 утра. Как и было запланировано, он сел в самолет вечером, закончив работу и отметив командировочное удостоверение, и около полуночи оказался в столице. Телефон Лизы не отвечал, но это Родислава не остановило. Он взял такси и поехал на улицу Маршала Бирюзова, где жила Лиза. Дверь ему никто не открыл. Он несколько раз нажимал кнопку звонка, пока не заметил засунутый в щель между дверью и косяком листочек бумаги. В записке Лиза сообщала, что у нее внезапно заболел отец, живущий в Дмитрове, и ей пришлось уехать к родителям. Там же был и номер их телефона. Но что толку с этого номера, если по нему неоткуда позвонить, кроме как из дому? Номер не прямой московский, а междугородный, областной, из автомата по нему не позвонишь. Родислав крикнул от досады, поразмышлял некоторое время, посмотрел на часы – почти половина первого, и отправился домой. Ему повезло сразу же поймать частника, и он еще успел на последний поезд метро. «Скажу Любе, что устал и соскучился, поэтому поменял билет и прилетел, – думал он по дороге. – Жаль, конечно, что так вышло, но ничего не поделаешь. Люба будет рада, покормит меня, уложит спать, а перед этим мы поговорим. Надо будет обязательно рассказать ей про того питерского подполковника, с которым мы сцепились по поводу секретных документов. Как-то нехорошо мы с ним расстались, кажется, он на меня злобу затаил. Наверное, я был не прав... Во всяком случае, неприятный осадок у меня остался. Расскажу Любе, она как-то так ловко умеет расставлять все по своим местам, что кажется, будто все нормально и ничего особенного не случилось. Эх, черт возьми, жалко, что у нас запрещено двоеженство! У меня была бы идеальная семья с двумя женами: с одной я бы спал, а с другой дружил и растил детей».

Он умел почти всегда и почти во всем находить не только минусы, но и плюсы, и, подходя к своему подъезду, Родислав был уже доволен, что все получилось так, как получилось. По крайней мере, сегодня ему не придется прятать глаза, когда Люба начнет сокрушаться над его усталостью и измученным видом, он явится домой не из постели любовницы, а действительно прямо с самолета. Ну, не совсем прямо, конечно, но и не из постели, и следы усталости на его лице, помятый вид и синева под глазами будут именно от работы в командировке и от жизни в ведомственной гостинице, а не от безудержных любовных утех. Все-таки в том, чтобы приходиться домой с чистой совестью, тоже есть своя прелесть!

Он открыл дверь квартиры, зажег свет, сменил ботинки на тапочки и на цыпочках направился в спальню. Темно и тихо, Люба, конечно, уже спит, и надо разбудить ее осторожно, так, чтобы она не испугалась.

После яркого света в прихожей темнота спальни показалась ему кромешной, и первые несколько секунд он ничего не различал, кроме смутного пятна зашторенного окна. Потом глаза адаптировались к темноте, он тихонько подошел к кровати, очертания которой были каким-то не такими... «Да постель же не разобрана! – сообразил Родислав. – Она аккуратно застелена и накрыта покрывалом. Любы здесь нет. Может быть, она спит в детской?» Мысль показалась ему вполне разумной, хотя и слабо аргументированной: зачем спать в комнате детей, если есть спальня? Тем более Лелькина кроватка совсем маленькая, а Колькин диван хоть и достаточно длинный, но слишком узкий для человека, привыкшего к двуспальной кровати. Но где-то же Люба должна спать? Если не в спальне, то в детской или в гостиной, где тоже есть полуторный «гостевой» диван и еще раскладное кресло-кровать.

Но ни в детской, ни в гостиной жены не оказалось. Ее вообще не было дома. «Да она же у родителей! – осенило его. – Ну конечно, она не ждет меня сегодня вечером, я должен при-

ехать только утром, и она планирует встать пораньше и вернуться домой, чтобы приготовить мне завтрак и встретить меня. Правда, странно, что она ничего мне не сказала накануне, я же звонил ей из Питера, но, возможно, желание поехать к маме с папой возникло внезапно, или у них что-нибудь стряслось, как у Лизы. Может, мама Зина прихворнула или Николай Дмитрич. А вдруг что-то с детьми? Моя мама позвонила, и Люба рванула на дачу». При мысли об этом Родислав похолодел. Телефона на даче, естественно, не было, оттуда Клара Степановна звонила с почты, а позвонить туда было невозможно. Что делать? Как узнать, что случилось? Первым порывом Родислава было позвонить Головиным, он уже схватил было телефонную трубку, но опомнился: почти два часа ночи, если Люба мирно спит у родителей и там все в порядке, то он разбудит и переполошит все семейство. А если жена на даче и там тоже все в порядке, то его звонок Головиным ненужную посеет панику. Люба – человек разумный и ответственный, утешал себя Родислав, если бы с детьми что-то произошло и Люба уехала к ним, она обязательно оставила бы ему записку, потому что не могла быть уверена, что сумеет вернуться к его возвращению. Если она записку не оставила, то, стало быть, полностью уверена, что ничто не помешает ей быть дома вовремя, чтобы встретить мужа с поезда. А если она полностью уверена, значит, ничего катастрофического не случилось.

Он поставил на огонь чайник, заварил себе свежего чая, отрезал кусок белого батона, щедро намазал сливочным маслом, положил сверху толстый кусок своего любимого «Российского» сыра и с аппетитом съел бутерброд. Еды в холодильнике было много, но Родиславу лень было заглядывать во все эти кастрюльки, мисочки и судочки и возиться с разогреванием тоже не хотелось, он сделал еще один бутерброд и запил его сладким чаем. После чего разделся и забрался в постель.

Но уснуть не удавалось. В последний раз он спал на этой кровати один, без Любы, шесть лет назад, когда Люба была в роддоме. В командировках ее тоже не было рядом, но это же совсем другое дело! Подсознание давало четкую установку: это командировка, и жены здесь нет и быть не может, так что в поездках Родислав прелюбопытно засыпал один, но здесь, дома, в этой спальне, на этой кровати, он не привык к одиночеству. Он ворочался, то одеяло казалось ему слишком жарким и Родислав отбрасывал его, то он начинал замерзать и снова укрывался до самого подбородка, то ему хотелось пить, то курить. В конце концов он зажег висящее над изголовьем бра и открыл книгу. Сначала показалось интересно, но очень скоро он поймал себя на том, что совершенно автоматически складывает буквы в слова, не вдумываясь в смысл. Встал, снова выпил чаю, покурил. Сна не было.

Наконец ему удалось задремать, но из тревожной полудремы его вырвал донесшийся с улицы через распахнутое настежь окно звук захлопнувшейся автомобильной дверцы. «Люба!» – почему-то подумал он и выскочил на балкон.

Это действительно была его жена. И рядом с ней – красивый молодой человек, который вполне недвусмысленно целовал ее на прощание. Люба погладила его по волосам и скрылась в подъезде, а молодой человек сел в машину и уехал.

«Господи, – с ужасом подумал Родислав, – что это? Что это было? Люба провела ночь у этого парня? Она мне изменяет?!»

И снова накатило «это». Он ничего не соображал, ноги приросли к полу, руки затряслись, подступила тошнота. Он даже не слышал, как открылась входная дверь, и, только увидев Любу прямо перед собой, понял, что она уже здесь.

– Ты дома? – В ее голосе не было ничего, кроме испуганного удивления. – Твой поезд должен прийти только через два часа.

– Я все видел, – выдавил он.

Люба молча сняла платье, накинула легкий пеньюар и вышла на кухню. Родислав услышал, как загремела посуда и полилась вода из включенного крана. Он постарался взять себя в руки и пошел следом за женой.

– Люба, я все видел. Ты мне ничего не хочешь сказать?

– Хочу.

Она обернулась и улыбнулась.

– Нам давно пора поговорить, Родик. Но лучше сделать это не на голодный желудок. Сейчас я приготовлю завтрак, и мы поговорим.

Его затрясло еще сильнее. Что она имела в виду, когда сказала, что им давно пора поговорить? Что этот любовник у нее уже давно и она собирается уйти от Родислава и забрать детей? Или что она давно знает о Лизе? Нет, не может быть, Люба не может ничего знать, он всегда был очень осторожен и предусмотрителен.

Наблюдая за женой, хлопочущей у плиты и накрывающей на стол, он немножко успокоился, уж очень привычной и мирной была картина. И как всегда, на столе появились белоснежные салфетки в старинных мельхиоровых кольцах, фарфоровые голубые с белым сахарница и молочник, и за-шкворчали на сковородке гренки с сыром, колбасой и помидорами, и разнесся по всей кухне запах смолотых в ручной мельнице кофейных зерен. Все было так красиво, так обыденно и так... страшно. Родислава замутило, и он еле успел добежать до ванной.

Завтракали молча, Родиславу кусок не лез в горло, но он мужественно давился и ел, как будто от этого зависела его жизнь. Люба тоже ела мало и медленно.

– Я все знаю, Родик, – наконец произнесла она, глядя ему в глаза. – Я даже знаю, что ее зовут Лизой. Она вчера мне звонила.

– Кто?! – нелепо выкрикнул он.

Как будто и без того непонятно было, кто ей звонил.

– Лиза, – спокойно продолжала Люба. – Она позвонила и сказала, что у нее заболел отец и ей придется ехать к нему в Дмитров. Просила тебе это передать.

– Лиза – наша лаборантка, просто она, наверное, не смогла вчера никому дозвониться, кроме меня, вот и предупредила, что ее сегодня не будет на работе.

Он не мог скрыть облегчения и мысленно хвалил себя за то, что все оказалось так просто и он нашелся, что ответить.

– Родик, какая работа? Сегодня выходной, ты забыл? У тебя с Лизой роман, я давно это знаю. – Люба говорила мягко и, кажется, совсем не сердилась. – Ты больше не любишь меня, ты теперь любишь ее, ну что ж, это жизнь, так случается сплошь и рядом. Ты изменяешь мне уже четыре месяца, и не надо думать, что я ничего не чувствую и не замечаю. Я тоже не храню тебе верность, с недавних пор у меня появился человек, которому я очень дорога и который в меня влюблен. Думаю, влюблен так же сильно, как ты в свою Лизу.

– А ты? – только и мог произнести Родислав.

– Он мне нравится. Может быть, я тоже влюблена, – она слегка улыбнулась, – чуть-чуть. Мы с тобой вместе уже четырнадцать лет, наши чувства ослабели, и это естественно. Мы с тобой должны подумать, как мы будем жить дальше.

Только тут он вдруг сообразил, что не возражает против обвинения в измене, наоборот, вроде как соглашается. Но ведь Люба не может ничего знать точно, не может, не может! Она может только подозревать, но доказательств у нее нет, и вчерашний звонок Лизы ни о чем не говорит, и можно еще посопротивляться и попытаться выйти сухим из воды. Однако Родислав не мог собраться с мыслями, «это» не отпускало его.

– Ты хочешь от меня уйти? – подавленно спросил он.

– Нет. Я очень не хочу от тебя уходить. И не хочу, чтобы уходил ты. У нас дети, и они должны вырасти в полной семье, с отцом и матерью. Лелька у нас очень чувствительная, для нее твой уход будет страшным ударом, от которого еще неизвестно оправится ли она. Ты же знаешь, она из-за сорванного цветочка будет весь вечер рыдать, а когда увидела на улице мертвую птичку, у нее температура поднялась и два дня держалась. Нельзя подвергать девочку такому стрессу. Кроме того, не забывай про папу: развода он тебе не простит. У тебя не будет

никакой карьеры, он тебя просто раздавит. Да и мне развод не нужен: после того как папа выгнал Тамару, я у него осталась единственным светом в окошке, и если выяснится, что мой брак неудачен, он этого просто не переживет. В нашей с тобой жизни очень многое завязано на наш брак. Я стою в очереди на машину, но я же не собираюсь ее водить, ездить будешь ты. И меня будешь возить, и детей. Если мы разведемся, ты останешься без машины, а я – без водителя. Нам придется разменивать квартиру и делить мебель, а как? Тем более мы только что купили новую «стенку», год в очереди отмечались. Но это все ерунда, главное – наши дети и наши родители, они не должны пострадать, а они обязательно пострадают, если мы разведемся. Таким образом, развод отпадает.

– А что остается? – глупо спросил Родислав. – Ты хочешь, чтобы я бросил Лизу, и за это ты готова бросить своего красивого мальчика? Думаешь, у нас получится начать все сначала?

– Родинька, милый, я похожа на наивную дурочку? Как мы можем начать все сначала, если ты уже однажды разлюбил меня, а я разлюбила тебя? С этим ничего невозможно сделать. Но мы с тобой не только муж и жена, мы с тобой всегда были друзьями, и это, может быть, самое ценное, что есть в нашей с тобой жизни. А дружба предполагает честность и открытость. Ты готов к честности и открытости?

У него еще есть возможность отступить, она ни в чем его не уличила, ничего не доказала! Но ложь – такая трудоемкая штука, требующая огромного напряжения, а Люба предлагает ему честность и открытость. «Говорить правду легко и приятно», – всплыла из глубин памяти цитата из какой-то книги, но Родислав не смог припомнить, из какой именно.

– Я готов, – вырвалось у него раньше, чем он смог осознать смысл сказанного.

– Тогда я предлагаю тебе договор. Честный договор двух уважающих друг друга людей. Каждый из нас живет собственной личной жизнью. И никто – я подчеркиваю, – никто об этом не знает, даже наши с тобой близкие друзья. Для всех, и в первую очередь для детей и наших родителей, мы остаемся любящей и дружной парой, мы принимаем гостей, проводим вместе отпуск, навещаем родственников и растим Колю и Лелю. Внешне ничего не должно измениться. Вернее, должно стать даже лучше. При этом мы даем друг другу личную свободу, с уважением к ней относимся и покрываем друг друга перед всеми. Ты можешь уходить к Лизе, когда дети уснут, и возвращаться на рассвете, пока они еще спят. Но для всех – ты ночуешь дома. И прекрати эти фокусы с командировками, деньги на авиабилеты ты берешь из нашего общего бюджета, и я как экономист, – она снова улыбнулась. – не могу мириться с таким нерациональным расходом средств. Мы с тобой будем заранее договариваться и согласовывать графики твоего и моего отсутствия, чтобы ни дети, ни родители ни о чем не догадались. И перестанем друг другу врать. Вот такой договор я тебе предлагаю. Ты согласен?

Конечно, он был согласен! Тошнота и дрожь прошли, и, слушая ровный мягкий голос жены, говорящей такие разумные вещи, Родислав полностью пришел в себя и обрел способность соображать. Какая Люба все-таки умница! Какая она молодец! Никаких скандалов, сцен, слез и упреков. Ну где вы еще видели такую жену? Она предлагает ему ту самую идеальную ситуацию, о которой он в шутку мечтал всего несколько часов назад: у него две жены, с одной он спит, с другой живет и растит детей, и все официально, без лжи и притворства. А еще говорят, что мечты не сбываются!

– Я согласен, – радостно ответил он. – Спасибо тебе, Любаша, ты самая лучшая жена на свете.

Она отвернулась, убирая со стола грязную посуду, и ответила, не поворачивая головы:

– Я знаю.

В ее голосе Родислав не услышал слез, а лица он просто не видел.

– Любаш, а у тебя давно с этим мальчиком?...

– Не очень. С тех пор, как ты прилетел из Сыктывкара.

Она по-прежнему не поворачивалась, стояла к нему спиной и мыла посуду.

– Я приехал поездом, – Родислав машинально все еще пытался солгать.

– Ты прилетел. Ты был настолько рассеян, что выложил на стол все содержимое карманов, в том числе билеты на поезд в оба конца и свой паспорт с вложенным в него билетом на самолет. У нас в тот день была в гостях мама, она любопытствовала и задала мне вполне законный вопрос: зачем тебе для двух поездок целых три билета? Я в твоих вещах и бумагах не роюсь, ты же знаешь, но мама у меня женщина простая. Мне нужно было быстро что-то сообразить и ответить. Уж не помню, как я ее успокоила, но я-то все поняла. Я и раньше догадывалась, а с того момента знала уже точно. Олег давно за мной ухаживал, а после Сыктывкара я ему уступила. Мне захотелось почувствовать себя на месте твой возлюбленной, мне захотелось быть любимой и желанной, такой, какой я для тебя никогда не была. И хватит об этом.

У него пересохло во рту, пришлось налить из графина яблочный сок и сделать несколько больших глотков.

– И как? Удалось почувствовать?

– Надеюсь, что да. Я же сказала: хватит об этом. Честность и открытость должны иметь свой предел. Мы не лжем друг другу, но и об интимных подробностях не распространяемся, хорошо?

– Конечно, конечно, – торопливо согласился Родислав. – А давай сегодня на дачу съездим? Я по ребятам соскучился.

– Давай. Сейчас закончу уборку – и поедем.

Они зашли в магазин, накупили продуктов и сладостей для детей и Клары Степановны, провели за городом целый день, Родислав ходил с сыном на рыбалку, Люба научила Лелю шить юбочку для куклы, вечером они вернулись в Москву и на часок заглянули к Головиным, где Родислав поговорил с тестем о проблемах МВД и о судебных процессах над Филатовым и Щаранским, обвиняемыми в измене Родине, а Люба поболтала с матерью о детях и – тихонько, тайком, уединившись на кухне – о Тамаре, которая, кажется, была очень счастлива со своим Григорием, только, к сожалению, пока не беременна.

Люба и Родислав вернулись домой поздно вечером, ощущая за спиной субботу, проживающую так, как проживают выходной день счастливые супружеские пары. Оба они понимали, что это было первым днем их новой жизни, такой непохожей на прежнюю.

* * *

– Так они и протянули пару месяцев, до середины октября примерно. Как тебе это нравится? – В голосе Ворона явственно слышался клекот возмущения.

– Мне это совсем не нравится, – ответил Камень. – Что это еще за договор такой? Тоже мне, ревнители свободных нравов и блюстители интересов родителей. Они что, на полном серьезе эту хрень затеяли?

– В том-то и дело, что на полном, – заверил его Ворон. – Предоставили друг другу свободу в личной жизни. Моя Люба-то не очень злоупотребляет, не чаще, чем раз в неделю к Олегу ездит по ночам, а твой Родислав – тот прямо разохотился, буквально через день к своей Лизавете шныряет. Дождется, когда дети уснут, – и был таков. А к семи утра обратно возвращается. Люба специально будильник ставит на половину седьмого, тихонько встает и дверь ему изнутри открывает, а то у них такой замок громкий, если ключом открывать, – на всю квартиру слышно. Черт знает что! И между прочим, твой Родислав как с цепи сорвался, мало того, что он через день у Лизы ночует, так он еще и проболтался ей про договор, придурок! Ведь просила же его Люба никому не говорить! Так нет, язык за зубами не держится.

– Но он же должен был как-то объяснить Лизе, почему он теперь может у нее ночевать, – заступился за Родислава Камень. – Она ведь не полная дура.

– Может, и не полная, а только она восприняла это как твердое обещание жениться. По ее мнению, от такого договора до развода один шаг, да и тот совсем крохотный. Родислав-то напрямую про развод ничего не говорит и жениться на Лизе не обещает, но объяснил ей, что зависит от тестя и не должен его сердить. То есть вроде как бы сказал, что рядом с женой его ничто не держит и он женился бы на ней с удовольствием, если бы не тесть. А поскольку Николаю Дмитричу на будущий год шестьдесят стукнет и он вполне может выйти в отставку, Лиза и обрадовалась, что тесть Родислава останется не при делах, на карьере зятя влиять не сможет и тогда можно будет разводиться и снова жениться. Вот такие у нее планы.

– Это точно? – усомнился Камень. – Сам слышал?

– Сам, сам, – подтвердил Ворон. – Она с Родиславом об этом сколько раз говорила! А он в ответ ни «да», ни «нет»... О, в рифму получилось. Я же понимаю, он влюблен по уши и не хочет ее разочаровывать, хотя умом-то понимает, что вряд ли тесть в шестьдесят лет на пенсию отправится, он еще полон сил, да от такой власти, от такой должности разве кто добровольно отойдет? Не-ет, наш генерал-лейтенант Головин еще послужит, еще крови-то попортит подчиненным. А Лиза уже о ребенке подумывает.

– Как?! – ахнул Камень. – Она от Родислава рожать собралась?

– А то, – гордо объявил Ворон. – Чего ей ждать-то? Возраст подходит, ей двадцать семь уже стукнуло, пора. И потом, она надеется, что, если будет ребенок, Родислав быстрее продвигнется в сторону развода. Старые женские штучки!

– А он что? Возражает против ребенка или соглашается?

– Так она что, спрашивать его будет, что ли? – фыркнул Ворон. – Она его перед фактом поставит, когда уже ничего нельзя будет изменить. Плавали, знаем.

– Ну зачем ты так... Может быть, она его по-настоящему любит.

– Так кто ж спорит-то? – Ворон взмахнул крылом, очертив в воздухе загадочную фигуру. – Любит, конечно. И замуж за него хочет. И детей от него хочет. Только знаешь что я тебе скажу, метеорит ты мой самозванный? Ей ребенок нужен только для того, чтобы Родислава привязать к себе покрепче. Она детей вообще-то не любит, они ее раздражают. Но Родислава она любит так сильно, что готова даже на ребенка, только бы он на ней женился. Это она с подружкой разговаривала, а я подслушал.

– И неужели никто из окружающих не догадывается, как Люба с Родиславом на самом деле живут?

– Не-а, – Ворон мотнул черной головой. – Ни одна живая душа, кроме Лизы и Олега. Эти-то понимают, что если их возлюбленные могут по ночам так свободно приезжать, то не все спокойно в Датском королевстве. А больше никто.

– Ладно, с Лизой мне все более или менее понятно. А с Олегом что? Он тоже на развод надеется?

– Нет, куда там! Зачем ему жена с двумя детьми? Он живет себе припеваючи в отдельной квартире, без родителей, наслаждается свободой, на фиг ему вообще какая-то жена нужна?

– Так что же он, Любу не любит, что ли? Слушай, ты так рассказываешь – ни черта не разберешь! – рассердился Камень.

Ворон перелетел с ветки на ветку, чтобы оказаться поближе к Камню, но при этом не пачкать лапки в размокшей от дождей земле.

– Вот как ты есть философ, а не романтик, так ничего в людях и не понимаешь. По-твоему, если секс – значит, любовь, а если любовь – так непременно чтобы жениться. Это только в твоей философии все так ладно да гладко получается, а жизнь – она сложнее и многообразнее, – важно заявил он. – У людей секс вообще не всегда связан с любовью, это разные вещи, а любовь не всегда связана с браком, это тоже разное. Олег мою Любу хочет как самец, понимаешь? Он горит весь, пылает, умирает – до того она ему нравится. Спать с ней он хочет, что

есть, то есть, а связывать себя брачными узами он вовсе и не торопится. Он еще не нагулялся. В общем, для тебя это сложно, ты не вникай, ты слушай, чего я тебе рассказываю.

– Нет, погоди, – остановил его Камень. – Как это – не вникай? А Люба? Она Олега этого любит или нет?

– Да ну нет же! – Ворон начал раздражаться. – Она любит не Олега, а то ощущение себя женщиной, которое он ей дарит. С Родиславом у нее такого ощущения не было, они просто с детства дружили себе, дружили, дружили, потом случайно переспали, вроде все получилось неплохо, так чего ж не пожениться? Вот и поженились. Они в том возрасте про настоящий секс вообще ничего не знали, думали: так, как у них, все и должно быть. Потом, с годами, Родислав кое-чего понял, пока с секретаршами развлекался, а Люба-то вообще ничего не понимала, пока Олега не встретила. Между прочим, если хочешь знать, Олег не очень хороший любовник.

– А ты откуда знаешь? Ты же не подсматриваешь. – Камень прищурился и недоверчиво глянул на друга. – И слышать ты ничего не мог, Люба о таких вещах никому рассказывать не стала бы.

– Я и не подсматриваю. – Ворон смущенно потупился. – Но уши-то у меня есть. И заткнуть мне их нечем, пальцев нет. Я отворачиваюсь, чтобы ничего не видеть, и жду, когда они наиграются и разговаривать начнут. Вот и слышу.

– И что же ты слышишь?

– А то и слышу, что Олег за пять минут сгорает, как фитилек. Родислав-то горит долго, со вкусом, а этот – фьюить! И готово. Никакого сравнения он с Родиславом не выдерживает. Да Любе от него этого и не надо, ей надо, чтобы смотрел, как Олег, чтобы дрожал весь, чтобы хотел. А это он ей предоставляет в изобилии. Он душу ей тешит, а не тело, понял, наконец?

– Вот теперь понял. Можешь же объяснять, когда хочешь. А кстати, ты что-то про Аэллу забыл, а про Андрея Бегорского я вообще уж и не припомню, когда ты рассказывал.

– А я знал, что ты спросишь, знал, знал! – Ворон запрыгал на ветке, отчего на Камня посыпались мелкие холодные капли. – Я специально ничего не говорил, потому что Ветра пока нет, хотел при нем рассказать. Но если ты настаиваешь...

– Я настаиваю, – строго велел Камень. – Я требую полноты информации. Ветер наш пока еще прилетит! У него Кубок мира по биатлону, а это долгая песня, там же несколько этапов. И вообще, кроме биатлона, есть еще масса всяких видов спорта, где Ветру можно разгуляться, так что он неизвестно когда появится.

– Ну, тогда слушай. – Ворон принял вид таинственный и заговорщический. – Аэлла, оказывается, периодически звонит Андрею и приглашает в гости. Представляешь?

– Ну и что? – удивился Камень. – Они друг друга с детства знают. Что в этом такого?

– Ой, лопух ты замшелый, ой, валун ты неотесанный, – запричитал Ворон. – Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? Аэлла звонит Андрею и приглашает в гости.

– Да все я слышу. Я только не понимаю, что тут особенного.

– Ты что же думаешь, она его чай пить приглашает?

– А что, коньяк?

– Вот дурень, ну дурень же ты, Каменюка, каких свет не видел! Она его в койку приглашает! Понял?

– Не может быть!

Камень вытаращил глаза и уставился на Ворона.

– Ты меня разыгрываешь?

– Да больно надо! Вот как бог свят, век воли не видать. Значит, слушай сюда: как только у Аэллы заканчивается очередной роман, она немедленно звонит Андрею и говорит, что у нее плохое настроение и ей хочется развеяться. Андрей приезжает и развеивает ее. И все. Никаких встреч, никаких романтических отношений, он ей цветов не дарит и подарки не делает. И слов, соответственно, ласковых не говорит.

– Ничего не понимаю, – Камень наморщил лоб. – Это у людей как называется? Любовь? Секс? Похоть? Я и слова-то подобрать не могу к тому, что ты рассказал.

– Это называется «общение в форме секса».

– Не слышал про такое. Ни в одной книжке про это не написано.

– Еще бы! Это я сам придумал в ходе многолетних наблюдений за человеческими особями. У них есть общение в форме разговора, в вербальном, так сказать, виде, есть общение в форме совместных занятий, например пение в хоре, туризм, рыбалка, охота, а есть общение в форме секса, когда люди занимаются сексом не потому, что у них гормон играет и им надо физиологическую нужду справить, а потому, что они так общаются. Аэлле, например, нужно после каждого разрыва с любовником почувствовать, что она еще ого-го, что есть еще мужики, которые ее хотят и прибегают к ней по первому зову, по первому свистку. Для этого у нее есть Андрей Бегорский, который никогда не отказывается, с удовольствием приезжает и демонстрирует ей, что она ого-го и ее хотят.

– А ему-то это зачем надо? Он ее действительно хочет или он тоже общается?

– Ну, он ее с юности хочет, это ни для кого не секрет, в том числе и для самой Аэллы Константиновны. Но тогда, в юные годы, он понимал, что Аэлла для него недостижима, и терпеливо ждал. Помнишь, он как-то сказал: сама прибежит, никуда не денется. И действительно, сама прибежала. Внешне, конечно, это выглядит так, что он к ней прибегает, а не она к нему, но поскольку она его зовет, то фактически получается, что Андрей был прав. Прибежала, никуда не делась. У Андрея бурная личная жизнь, женщины за ним табунами бегают, о женитьбе он и не думает пока, вернее, думает, но все никак не найдет такую, на которой захотел бы жениться. А если б нашел, так хоть завтра в загс, он за свою свободу не держится. И детей он хочет. Так вот, когда Аэлла его зовет, он с удовольствием приезжает, немедленно укладывает ее в постель, а потом они мирно попивают вино и беседуют о жизни. Ой, ты бы слышал, как Андрей с ней разговаривает! Если бы он в юности посмел так с ней разговаривать, она бы его на километр к себе не подпустила. Подшучивает над ней, чуть ли не издевается, а она все терпит.

– Почему?

– Ну а как же? Если не будет терпеть, если выгонит его, то кто же ей в следующий раз будет доказывать, что она ого-го? Бегорский ведь до сих пор единственный, кому она спускает с рук, что он называет ее Алкой, а не Аэлкой. Ни одному человеку не позволяет, а ему разрешает. Морщится, но терпит.

– И часто ее любовники бросают?

– Аэлле-то? Да регулярно. И знаешь, в чем парадокс? И красивая она, и яркая, и богатая, и знаменитая, а ведь ни одного своего мужика она сама не бросила. Все ее бросают, что мужья, что любовники. Интересно, правда?

– Да, любопытный феномен, – не мог не согласиться Камень. – А почему?

– Да кто ж его знает! Я за Аэлкой не слежу в подробностях, не она же у нас главная героиня. Так, по случаю залетаю на нее глянуть или вижу, когда она в гости к Любе с очередными подарками приходит. Я тебе голые факты докладываю, а в причинах ковыряться у меня возможностей нету, я ж не могу разорваться – и за Любой с Родиславом смотреть, и за Аэлкой, и за Андреем. Вот если бы они постоянно вместе тусовались – тогда другое дело.

«Ничего, – подумал Камень. – Спрошу у Змея, он наверняка все знает, а если и не знает, то сползает посмотрит». А вслух произнес:

– Тогда давай про Любу с Родиславом.

* * *

Люба возвращалась домой от Олега на метро. Она почти сразу, после нескольких первых недель, отказалась от того, чтобы оставаться у него на ночь, и договаривалась с Родиславом,

что он не будет задерживаться на работе, а она вернется часов в одиннадцать. Если дети или родители будут спрашивать – она у подруги. Ей не нравилось ночевать у Олега, она не видела в этом никакого смысла, потому что сексуальная составляющая этих встреч не требовала так много времени, а больше делать вместе им было нечего. После первого месяца угара Люба обнаружила, что ее любовник глуповат, мало читал, и разговаривать с ним было не о чем. Ну, можно было посплетничать о сотрудниках планово-экономического отдела или отдела снабжения, но ведь этим можно заняться и на работе, в курилке, например, или в столовой во время обеда, можно было обсудить посмотренную по телевизору передачу, но ведь для этого надо было как минимум вместе посмотреть телевизор. Иногда они это делали, но каждый раз Люба ловила себя на мысли о том, что рисковать спокойствием детей и родителей ради того, чтобы просидеть час или два у экрана в чужой квартире, это такая глупость, что даже страшно становится. Телевизор можно смотреть и дома, вместе с мужем и детьми. Что ей давали эти встречи? Ничего, кроме удовлетворенного самолюбия. Но и это немало.

Во всяком случае, на ночь оставаться она перестала. Перед выходом из квартиры Олега она, как обычно, позвонила домой, узнала, все ли в порядке, и сказала, что через час придет. Первую половину пути домой Люба проделала в приподнятом настроении, которое всегда охватывало ее при виде восторженных и жадно горящих глаз Олега и которое держалось довольно долго, если удавалось правильно уловить момент и вовремя уйти, не дожидаясь, пока его общество наскучит ей и начнет тяготить. На середине пути, однако, ее охватила неясная тревога, которая непонятно откуда взялась и так и не отпустила до самого конца, пока она не вошла в свою квартиру. Родислав встретил ее не в домашнем спортивном костюме, а полностью одетый. «Он хочет поехать к Лизе, – подумала Люба и удивилась тому, что ревность так и не оставила ее. Несмотря на договор и его джентльменское соблюдение, несмотря на Олега, несмотря ни на что – ей было неприятно. – В самом деле, зачем ему терять целую ночь, если я уже дома, а дети спят. Имеет право».

– Уходишь? – спросила она как можно равнодушнее.

– Люба, мама в больнице, – срывающимся голосом сказал он.

– Клара Степановна? Что с ней?!

– Твоя мама. Ее увезла «Скорая». Николай Дмитриевич поехал с ней. Ты не раздевайся, я уже вызвал такси, сейчас мы тоже поедem.

Люба почувствовала, как подгибаются ноги.

– Что с ней? – с трудом двигая губами, спросила она.

– Врачи со «Скорой» сказали, что точно можно будет сказать только в больнице, но по всей симптоматике похоже на большой камень в желчном пузыре. Если это действительно так и если камень сдвинулся, то необходима экстренная операция.

– А как же дети? – беспомощно пролепетала она.

– Коля уже достаточно взрослый, чтобы побыть с Лелькой. Я его разбудил, все объяснил, и он пообещал, что будет караулить сестру, чтобы она не испугалась, что нас с тобой нет дома. Пойдем.

Такси уже стояло у подъезда. Они уселись рядом на заднее сиденье, и Люба знакомым жестом взяла Родислава за руку, как привыкла делать с давних пор в минуты волнения, напряжения или тревоги. Взяла – и тут же собралась отдернуть. Теперь они чужие, теперь они только делают вид на людях, что по-прежнему близки, а здесь, в темноте салона, за спиной у незнакомого таксиста, притворяться незачем. Но Родислав крепко ухватил ее руку и не отпускал всю дорогу до больницы.

– Я совершенно растерялась, – тихонько призналась ему Люба. – Помнишь, когда-то давно я тебе говорила, что, если бы с моим папой случилась беда, я бы растерялась, а ты пришел бы мне на помощь и сделал все как надо.

– Помню.

– Ты мне тогда не поверил.

– Это правда, – он негромко рассмеялся, – я тебе не поверил. Хотя поверить очень хотелось. Ты была так убедительна!

– Теперь ты видишь, что я была права. Ты и машину вызвал, и Колю организовал, а я к месту приросла и собралась в обморок падать. Спасибо тебе.

В ответ он только сильнее сжал ее ладонь.

У ворот, ведущих на территорию больницы, стояла служебная машина генерала Головина. Люба подошла к водителю.

– Здравствуй, Женя. Папа не выходил?

– Нет, только позвонил в гараж, вызвал меня и передал, чтобы я приехал и ждал. Вот жду. А что случилось? С Николаем Дмитриевичем что-то?

– Нет, с мамой.

Они долго плутали по пустым коридорам, пока не обнаружили сидящего на обитой дерматином скамейке Любиного отца.

– Ну что? – кинулась к нему Люба.

– Ничего хорошего, – сквозь зубы процедил Николай Дмитриевич. – Камень пошел. Готовятся делать операцию.

– Прямо сейчас?

– Говорят, ждать нельзя. У мамы, оказывается, давно уже болело, но она терпела, ничего мне не говорила. А сегодня от боли сознание потеряла. И температура у нее под сорок. Она с этой температурой четыре дня ходила.

Внутри у Любы все тряслось, но слез не было. Был только ужас, леденящий и одновременно обжигающий. Она присела рядом с отцом, положила голову ему на плечо.

– Папа, я вызову Тамару.

– Не смей, – негромко, но твердо и зло произнес Головин.

– Надо, чтобы она приехала.

– Не смей, – повторил он.

– Но это не по-человечески, папа! Тамара – мамина дочь. Пусть ты не считаешь ее своей дочерью, это твое право, но маминой дочерью она осталась. Пусть она приедет, папа, пожалуйста, она имеет право быть рядом с мамой в такой момент.

– Я сказал – нет. И никакого «такого» момента тоже нет, маме сейчас сделают операцию, она поправится, и все будет в порядке. Без желчного пузыря люди прекрасно живут долгие годы.

Но Люба знала, что все равно вызовет сестру. Не может не вызвать. Тамара ей не простит. И мама тоже не простит.

К ним вышел врач, молодой, худощавый, в высокой докторской шапочке.

– Николай Дмитриевич, я не советую вам ждать здесь, подготовка к операции и сама операция займут много времени. Уже очень поздно. Поезжайте домой.

– Я останусь, – жестким генеральским голосом ответил Головин. – Это моя дочь и ее муж. Мы будем ждать здесь.

– Воля ваша, – вздохнул хирург.

Родислав пошел за ним следом, и Люба видела, как они остановились и о чем-то разговаривали несколько минут. Потом Родислав вернулся.

– Николай Дмитриевич, разрешите мне воспользоваться вашей машиной, – попросил он. – Я из дому без сигарет выскочил. А нам еще долго ждать...

– Где ж ты сигареты в такое время найдешь? – вздернул брови Головин. – Все магазины и киоски давно закрыты, рестораны тоже, они работают только до одиннадцати.

– Я до «Интуриста» доеду, там до часу ночи открыто.

– Ну поезжай, – пожал плечами генерал.

Люба отчетливо помнила, как Родислав дома положил в карман начатую пачку «Столичных», потом взял еще одну, нераспечатанную, но промолчала. Может быть, ему нужно позвонить из автомата Лизе, возможно, он договорился с ней, пообещал приехать, она ждет, а тут такое...

Родислав уехал. Отец тяжело молчал, ничего не говорил, и Люба сидела рядом и с нетерпением ждала мужа. Ей казалось, что, как только он появится, немедленно начнет что-нибудь происходить, забегают врачи, медсестры, маму будут оперировать, и уже совсем скоро выйдет усталый молодой хирург и улыбнется им: дескать, все в порядке, операция прошла успешно, поезжайте домой, а завтра привезите то-то и то-то.

Минуты тянулись, отец молчал, и ничего не происходило. В больничном коридоре, ведущем в операционную, стояла гнетущая тишина.

Наконец появился Родислав.

– Ничего нового, – уныло сказала ему Люба. – Ждем.

– Давай выйдем на улицу, я покурю, а ты со мной постоишь, – предложил он.

Люба послушно поднялась со скамейки, успев, несмотря на страх, удивиться: ведь Родислав только что пришел с улицы, неужели не мог покурить на крылечке один? Или ему нужно сказать ей что-то очень важное. «Наверное, хочет отпроситься к Лизе, – с неожиданной неприязнью подумала она. – В самом деле, чего ему тут с нами сидеть, когда можно поехать к любовнице и с приятностью провести время. Сейчас будет просить, чтобы я прикрыла его перед папой, чтобы придумала какое-нибудь вранье, например что он вернулся домой к детям. Он собирается бросить меня даже в такой момент».

На крыльце больничного корпуса Родислав достал сигареты, закурил. Люба напряженно ждала, когда он заговорит.

– Любаша, я говорил с врачом. Он папе не сказал всей правды. Положение очень тяжелое. Мама без сознания, и кроме того, у нее плохая кардиограмма, она может не выдержать общего наркоза. Но оперировать надо обязательно и срочно. Врач сказал мне, что надо надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. Я взял на себя смелость вызвать Тамару.

– Как?! Когда ты успел?

– Я съездил на Центральный телеграф и позвонил. Если что, Женя подтвердит папе, что я был в «Интуристе», это рядом, Женька и не заметил, что я на телеграф бегал. Тамара сказала, что прилетит первым же рейсом.

– Папа ее убьет, – пробормотала Люба. – Будет страшный скандал.

– Любаша, разве об этом надо сейчас думать? Сейчас надо думать о маме, о том, чтобы у нее все обошлось. Если у мамы все будет хорошо, мы с тобой придумаем, как развести Тамару с Николаем Дмитриевичем, чтобы они в палате не столкнулись, ведь мы теперь с тобой мастера по составлению хитрых графиков, правда? – Он весело подмигнул ей и дотронулся до ее плеча.

– А если все будет плохо? – мужественно спросила Люба и сама себе удивилась: как у нее язык повернулся сказать такое?

– Если, не дай бог, все будет плохо, то папе будет уже не до семейных ссор. И тебе, и Тамаре. Но давай надеяться на то, что этого не случится.

* * *

– Я не могу так! – завопил Камень. – Ты что, издеваешься?! Что ты тянешь кота за хвост? Там человек между жизнью и смертью, а ты мне какие-то разговоры на крылечке пересказываешь! Говори быстро, чем дело кончилось. Ведь все обошлось, правда? Скажи, что все обошлось!

– Я, между прочим, ничего зря не пересказываю, – обиделся Ворон. – Я хочу тебе, идиоту неотесанному, показать, что твой Родислав вполне приличный человек и, когда надо, ведет

себя достойно. Он неглупый и незлой. Тебе, дураку старому, должно быть приятно это слышать, а ты капризничаешь. И вообще, не дави на меня, у меня тоже сердце есть и нервы, и они не каменные и не железные.

– Ка-ак? – охнул Камень. – Значит, все плохо?

Ворон молча кивнул и издал странный звук, похожий на всхлип.

– Как же так? Почему? – тербил его Камень. – У мамы Зины сердце не выдержало?

– Да нет, не в этом дело. Врачи очень хорошие попались, они и с диагнозом не ошиблись, и с сердцем все правильно сделали, вызвали на операцию кардиолога и самого лучшего реаниматолога. Желчный пузырь удалили, а у Зинаиды тромб оторвался и закупорил артерию. У нее, оказывается, давным-давно был тромбофлебит, а она и не знала. Она же к врачам ходить не любила, здоровьем своим не занималась вообще. Мужу в молодости про мигрень впаривала, а настоящие болезни не лечила. Вот такая грустная история.

– А Тамара? Успела она приехать?

Ворон отрицательно помотал головой.

– Не успела. Она прилетела первым же самолетом, но все уже было кончено. Ой, как она убивалась! Ты себе представить не можешь. Даже больше, кажется, чем Люба. Хотя Люба такая скрытная, вся в себе, ничего наружу не выставляет, ничего не показывает... С ней не угадаешь. А Тамара как к Любе домой из аэропорта приехала, так до самых похорон и прорыдала.

– Надо же, – с удивлением заметил Камень, – а мне казалось, что она к матери несколько прохладно относится, с детства ее дурищей называла, курицей безмозглой.

– Не, – Ворон снова мотнул головой, – она ее любила. Хотя обзывала, конечно, по-всякому. Но любила очень сильно. И знаешь что она Любе на похоронах сказала? Я, говорит, всю жизнь буду благодарна маме за то, что она была такой, какой была, и в детстве обращалась со мной так, как обращалась. Потому что это заставило меня научиться сопротивляться, и эта наука мне очень пригодилась в жизни. Я перестала бояться неудач, я никогда не боялась критики, потому что с детства привыкла к тому, что меня шпыняют и считают уродом. И если бы я не стала такой, какой стала, моя жизнь не сложилась бы так, как она в конце концов сложилась. А сложилась она очень и очень счастливо. У меня есть любимая работа, которая у меня хорошо получается, и есть любимый человек, который тоже меня любит. Больше для счастья мне ничего не нужно. И все это у меня есть только благодаря тому, что мама вырастила меня такой, какой вырастила. Я даже за «оскомылок» ей теперь благодарна, потому что с детства приучалась к оскорблениям, и теперь меня ничто не берет. И так горько плачу я потому, что поняла это только сейчас. Если бы поняла хоть чуть-чуть раньше, я бы обязательно маме это сказала. А теперь она так никогда и не узнает, что я все поняла и очень ей благодарна.

– А генерал наш как себя вел?

– Ты насчет Тамары интересуешься?

– Ну да. Ясно, что он по жене горевал, все-таки сколько они вместе прожили-то? С сорок третьего по семьдесят восьмой – это выходит тридцать пять лет, не кот начал. А вот с Тамарой-то как?

– Никак. Он делал вид, что не замечает ее. Не разговаривал с ней, не обращался, а когда она к нему обращалась – не откликался. На похоронах это было как-то незаметно, там никто особо друг с другом не общался, а на поминках он уж постарался, чтобы никому ничего в глаза не бросалось. Ты знаешь, что он сделал, этот генерал? Ни в жисть не догадаешься! Он попросил Любу, чтобы та посадила Тамару на другом конце стола, тогда незаметно будет, что он с ней не разговаривает. В общем, ужас! Вот ведь характер, а? Такой день, такое горе, а он помнит, что выгнал Тамару из дому и что она теперь ему не дочь. Другой на его месте примирился бы, обнялся бы с дочерью, расцеловался, простил, а этот – нет. Кремень.

– А по-моему, просто самодур, – флегматично заметил Камень.

* * *

– Надо ехать выбирать гроб, – монотонно твердила Люба, – и место на кладбище тоже нужно организовать. Я не представляю, как это – выбирать гроб для мамы. Я не смогу. Тамара, ты со мной поедешь?

Тамара ничего не отвечала, только плакала, уткнувшись в ладони.

– Вам ничего не нужно делать, – твердо сказал Родислав. – Место на кладбище организуют люди Николая Дмитриевича, они этим уже занимаются. Если вы дадите добро, они выберут гроб, обивку, венки – все, что полагается. Так принято, все же понимают, как вам трудно этим заниматься.

– Так нельзя! – Люба хваталась за голову. – Это же наша с Томой мама, как мы можем доверить такие хлопоты чужим людям? Мы должны сами, сами...

Но Родислав видел, что сами они ничего не смогут – настолько раздавлены были сестры внезапно свалившимся горем. Если бы Зинаида Васильевна была старой или долго и тяжело болела, у них было бы время морально подготовиться к тому, что в любой момент она может уйти, но ведь ей еще даже пятидесяти семи не исполнилось, и на здоровье она никогда не жаловалась, и к докторам не ходила, и таблетки пила только при головной или зубной боли, и при такой внезапной кончине Люба и Тамара оказались совершенно не готовы переживать утрату и не могли выйти из шока. Родислав вспоминал себя в первые дни после смерти отца: Евгений Христофорович давно страдал болезнью сердца, и все были готовы и к сердечным приступам, которые регулярно случались, и к трагическому концу, но все равно было очень больно и очень страшно, и произошедшее казалось невозможным, нереальным, и любое действие, направленное на подтверждение этого страшного, вызывало еще большую боль, будь то подготовка к похоронам или занавешивание зеркал темной тканью. Но он помнил и другое: те же действия хотя и вызывали боль, но какую-то другую, эти действия отвлекали, не давали полностью сосредоточиться на своем горе. Он только теперь, глядя на жену и ее сестру, понял, что есть разница между выбором гроба и места захоронения и всеми остальными печальными хлопотами. Эти «остальные» заботы хоть и скорбные, но действительно способны отвлечь человека и вывести из шока, а вот гроб и могила – это жестокие и неоспоримые символы окончательности и непоправимости, и для того, чтобы иметь с ними дело, нужны душевные силы, которых ни у Любы, ни у Тамары не было.

– Я сам этим займусь, – сказал Родислав. – Я маме не чужой человек, я любил ее, и она меня любила. Я выберу гроб, обивку, венки и место на кладбище. Вам не нужно об этом волноваться.

Но Люба все рвалась сделать это сама, и Родиславу стоило немалых усилий ее отговорить. В конце концов она сдалась, согласилась с правотой мужа и осталась дома.

– Я поеду с папой, – заявил Коля, – я тоже бабушку очень любил.

Он просто не хотел идти в школу, это было ясно, но в такой момент никто не стал его упрекать. Не до того.

– Лучше останься дома с мамой и тетей Томой, – сказал ему Родислав. – Ты же видишь, в каком они состоянии. Им нужно помочь, за ними нужно ухаживать.

– А как? – растерялся подросток. – Я не умею.

– Учись, в жизни еще не раз пригодится. Держи под рукой сердечные капли и успокоительные лекарства, давай им, если будут очень сильно плакать. Заваривай чай, зови их покусать или чайку попить, задавай вопросы, заставляй их все время что-нибудь делать, отвлекаться. Я помню, когда умер мой отец, твоя мама прибежала и стала донимать меня и бабушку Клару разными мелочами. Подбирала одежду для папы, искала ткань для зеркал, обзванивала знакомых и нас заставляла вместе с ней этим заниматься. Я сначала ужасно злился, мне каза-

лось, что в такой момент нельзя думать о мелочах, а потом понял, что мама была права и это помогает. А ведь ей было всего семнадцать лет, она была чуть старше тебя. Так что ты остаешься с женщинами за главного, будешь им опорой и защитой, я на тебя надеюсь.

– Хорошо, пап, я постараюсь, – ответил мальчик.

– В шесть часов сходишь за Лелькой в садик, и смотри, чтобы она ничего не почувствовала, – предупредил Родислав. – Про то, что бабушка умерла, – ни слова. Мы потом ей как-нибудь аккуратно объясним. Знаешь что, пусть она лучше побудет у бабушки Клары, – решил он. – Я сейчас позвоню ей, предупрежу, чтобы она забрала Лелю из садика и увезла к себе, а ты оставайся с мамой и тетей Томой и ни на шаг от них не отходи. Выполняй любую просьбу, любой каприз, и сам инициативу проявляй, не давай им уходить с головой в рыдания, а то сердце сорвут. Попроси маму помочь тебе решить задачки по математике, она в этом сильна, а у тети Томи спроси что-нибудь по биологии, она когда-то очень биологией увлекалась. В общем, действуй, сын, я на тебя полагаюсь.

Родислав не был до конца уверен, что тринадцатилетний Коля осознает всю меру ответственности за двух ошеломленных внезапной утратой женщин, но, с другой стороны, ему и самому было тринадцать, когда он познакомился с Любой, и он очень хорошо помнил себя в этом возрасте. «Я был достаточно взрослым, чтобы понимать такие вещи, – думал он. – А нынешнее поколение подростков должно быть умнее и взрослее нас, у них же акселерация. Ничего, справится».

После известия о смерти жены у Николая Дмитриевича подскочило давление, да так сильно, что встал вопрос о немедленной госпитализации. Родислав был уверен, что тесть лежит пластом, и хорошо еще, если к похоронам оправится, но водитель служебной машины Головина, приехавший, чтобы отвезти Родислава в бюро ритуальных услуг, сказал, что генерал находится на службе и лично занимается кладбищем и вопросами транспорта. «Силен мужик, – подумал Родислав. – Старая закалка. В нынешнее время таких наищещься. Если бы с Любашей что-нибудь случилось, я бы, наверное, лег на диван лицом вниз и не вставал. А этот на службу пошел, да еще с таким давлением. Силен!»

* * *

Шестилетнюю Лелю на похороны бабушки не взяли, Клара Степановна отвела внуку утром в детский садик, а вечером забрала и привела домой к маме и папе, когда те уже вернулись после поминок. Но все равно по лицам родителей, брата и тетки и по их голосам она поняла, что что-то случилось, что-то ужасное, горькое и болезненное, и моментально затемпературила. Люба взяла больничный по уходу за ребенком и сидела дома вместе с Родиславом, который до девятого дня на занятия в Академии не ходил. Он успешно поступил в адъюнктуру и был прикреплен, как и хотел, к одной из управленческих кафедр. Теперь ему как адъюнкту надлежало посещать занятия по философии и иностранному языку для подготовки к сдаче кандидатских экзаменов, но поскольку все знали, что майор Романов – зять замминистра, у которого только что умерла жена, на прогулы смотрели сквозь пальцы. Родислав даже к Лизе не ездил, целыми днями находясь рядом с женой.

Тамара уехала сразу после похорон – ее отпустили с работы только на три дня, к ней была огромная очередь, записывались на месяц вперед. Люба очень жалела, что сестры нет рядом, ей хотелось поговорить о маме, но она понимала, что Тамара – единственный человек, которому эти разговоры действительно важны и интересны. Можно было бы поговорить с Родиславом, он слушал бы Любу и сочувствовал ей, но она понимала, что ему такие разговоры будут в тягость. Люба была благодарна ему уже за то, что он находится рядом, помогает с Лелей и никуда не уходит, и злоупотреблять его добрым отношением ей не хотелось. «Какой он все-таки хороший, – думала Люба, глядя на мужа, сидящего рядом с дочкой и читающего ей книжку, –

он самый лучший на свете. Ни один мужчина не может с ним сравниться. Как жаль, что он меня больше не любит».

А вот с Олегом все оказалось сложнее и одновременно проще. Он настойчиво звонил ей каждый день и просил приехать, а на все попытки Любы объяснить, что у нее болеет дочь и вообще она в трауре, неизменно отвечал:

– Любушка, ну пусть твой благоверный посидит с ребенком, а ты приедешь ко мне, развеешься, отвлечешься. Нам всегда так хорошо вместе! Ну Люба!

Он не понимал и не желал понимать, что от горя можно отвлечься делом, заботами, общением, но никак не похотью. Конечно, Люба поехала бы к нему, если бы он был другим – умным, понимающим, тонким, таким, как Тамара или Родислав, но он был не таким, он не понимал, что его веселый тон и пошловатые приглашения «развлекись и развеяться» неуместны и бестактны. «Зачем он мне? – с тоской думала Люба каждый раз, когда заканчивала разговор с Олегом и вешала трубку. – Для чего? Меня даже не тянет к нему. Я по нему не скучаю. В тяжелый момент жизни я не хочу его видеть. Он мне совершенно чужой, посторонний красивый мальчик, который говорит мне комплименты и красивые слова, не более того».

На девятый день Тамара приехала вместе с Григорием.

– Ты не волнуйся, – сказала она Любе, – мы сегодня вечером уедем обратно. Ты поезжай на кладбище с папой и Родиком и ничего не говори о том, что я приехала, а мы с Гришей сходим туда потом, после вас, чтобы не сталкиваться.

– Господи, – сокрушалась Люба, – ну почему у нас все так не по-человечески?! Почему на могилу к родной матери ты должна ходить тайком?

– Потому что я не хочу, чтобы папа устроил скандал, – спокойно отвечала Тамара. – Мне-то все равно, пусть кричит, пусть хоть стреляет в меня, но рядом будете вы – ты, Родик, Гриша, зачем вам эта головная боль? Я не хочу, чтобы скорбный день превратился в отвратительную семейную свару. Светлая память потому и светлая, что ее не принято пачкать разными дрязгами.

Глядя на стоящего рядом с Тамарой Григория, который совсем не знал Зинаиду Васильевну, видел ее только один раз, но зато слышал от жены, что мать была категорически против их брака, и который все-таки счел нужным приехать хотя бы для того, чтобы поддержать Тамару, Люба вдруг отчетливо поняла, что больше не будет встречаться с Олегом. Никогда.

* * *

Прошло две недели со дня смерти Зинаиды Васильевны, и Родислав снова поставил перед Любой вопрос о своем ночном отсутствии. Что ж, договор есть, его никто не отменял, и смерть мамы Зины ни на что не повлияла. Люба молча кивнула, но почувствовала внутри болезненный укол. Это у нее все кончено с Олегом, она больше никогда не поедет к нему, а у Родислава все продолжается. Но у нее была слабая надежда на то, что продолжаться роман мужа будет не очень долго, ведь если он мог две недели не ездить к Лизе, значит, он не особенно горит этой любовью. Конечно, раньше он ездил к ней по три-четыре раза в неделю, а вот пропустил две недели – и ничего. Люба даже втайне надеялась, что, может быть, Лизе не понравится такое долгое отсутствие возлюбленного, она закатит сцену, и тонкий и умный Родислав не сможет смириться с подобной душевной черствостью подруги и уйдет, хлопнув дверью. Они поссорятся, сначала на время, а потом и навсегда. И можно будет прекратить этот чудовищный договор, и все войдет в свою колею, и они снова станут образцовыми супругами, станут на самом деле, а не для видимости.

Когда Родислав ушел, Люба загадала: если вернется часа через два-три, значит, у нее еще есть надежда. Она не спала всю ночь, смотрела на часы, прислушивалась к шуму спускающе-

гося и поднимающегося лифта, то и дело подходила к окну и выглядывала на улицу. Но Родислав вернулся, как и раньше, в половине седьмого. Надежда рухнула, они не поссорились.

Маленькой Леле родители постарались объяснить про бабушку в самых мягких и деликатных выражениях. Девочка не заплакала, как обычно делала, когда ей бывало кого-нибудь очень жалко, а только сильно побледнела и схватилась за край стола, словно готова была вот-вот упасть. Родислав подхватил ее на руки, прижал к себе, забормотал что-то ласковое и утешительнее, но Леля вырвалась и убежала в детскую. Когда через минуту следом за ней туда вошла Люба, девочка лежала в своей кроватке, отвернувшись к стене.

– Лелечка, – позвала Люба.

– Не мешай мне, – послышался ответ. – У меня горе, я буду страдать.

Ошеломленная Люба несколько минут стояла молча, не зная, как реагировать.

– Ты будешь плакать? – осторожно спросила она.

– Нет, я буду страдать. По-настоящему.

– Это как? Все страдают по-разному. Одни тихонько плачут, другие кричат.

– Я не буду плакать и кричать, – заявила Леля. – Я буду страдать молча.

– Лелечка, это неправильно, – мягко сказала Люба. – Нельзя страдать молча. Если тебе больно, если ты переживаешь, тебе обязательно надо рассказать об этом мне или папе, потому мы самые близкие для тебя люди. Мы тебя утешим, поддержим тебя, может быть, что-то объясним, чтобы ты страдала не так сильно. Ты страдаешь из-за того, что тебе жалко бабушку? Ну скажи же, не молчи.

– Мне жалко тебя, папу и себя. И еще дедушку и Колю. И тетю Тому с дядей Гришей. Потому что вы все страдаете. Ты плачешь, я слышала. Тетя Тома тоже плачет. Колька ходит грустный. Вам всем плохо, потому что бабушки больше нет. И мне всех вас жалко.

Леля произнесла эту длинную тираду, не поворачиваясь, и Люба не могла видеть выражения ее личика. Она встала на колени рядом с кроватью, повернула дочь к себе и крепко обняла.

– Солнышко мое, девочка моя, я не хочу, чтобы ты страдала. Мы с папой этого не хотим. Не нужно нас жалеть, мы взрослые и сильные, мы справимся, и все будет хорошо. Только дай мне слово, что ты не будешь больше лежать лицом к стенке и молча страдать, ладно? Договорились?

– Нет, – прозвучало в ответ. – Я буду страдать. И буду вас жалеть.

Люба долго уговаривала ее, но Леля так и лежала, отвернувшись к стене, пока не уснула.

На следующий день Любе на работу позвонили из детского сада.

– Любовь Николаевна, что с вашей девочкой? Она ни с кем не играет, даже не разговаривает, взяла стульчик, уселась в углу лицом к стене и сидит. Она не заболела?

– А лоб вы трогали? – забеспокоилась Люба. – Температуру ей измеряли?

– Температуры нет, но вид у Лели болезненный. Наверное, будет лучше, если вы ее заберете из садика прямо сейчас.

Люба бегом помчалась к начальнику отдела.

– Ну что это такое, Любовь Николаевна! – возмутился начальник. – Вы только-только вышли с больничного по уходу за ребенком – и опять? Что на этот раз? Простуда? Грипп? Скарлатина?

– Я не знаю, – расстроено ответила Люба. – Мне только что из детского сада позвонили, с Лелей что-то не в порядке. Отпустите меня, пожалуйста, я заберу ее домой, а завтра все, может быть, и пройдет. Я уверена, что это не грипп и не простуда, это нервное, она переживает из-за смерти бабушки..

– В прошлый раз было то же самое, – недовольно проворчал начальник планово-экономического отдела. – Она у вас переживала из-за того, что все в доме плачут. Ладно, идите.

Но было бы лучше, если бы завтра вы были на работе, а не звонили мне, что у вас опять больничный.

– Я постараюсь!

Люба домчалась до детского сада и забрала дочку. Леля и в самом деле выглядела не лучшим образом, даже хуже, чем накануне, когда ей объяснили, что бабушки больше нет.

– У тебя что-нибудь болит? – тревожно спрашивала Люба. – Голова? Горло? Животик?

– Ничего не болит. Мне плакать хочется.

– Ну так поплачь, – разрешила Люба.

Девочка расплакалась, потом у нее, как обычно, поднялась температура, и Люба всю ночь просидела в детской, на полу, рядом с Лелиной кроваткой, то и дело щупая лобик и прислушиваясь к дыханию дочери. Но к утру все прошло. Леля была по-прежнему грустной, однако выглядела она получше, температуры не было, и бледность исчезла.

– Родик, я не могу сейчас снова брать больничный, меня начальник убьет, – сказала она мужу. – А вести Лельку сегодня в сад я еще побаиваюсь.

– Никаких проблем, – тут же отозвался Родислав, – иди на работу, я посижу с ней. У меня сегодня нет занятий. А даже если бы и были – всегда можно прогулять.

«Он хороший муж, – говорила себе Люба, трясаясь в вагоне метро, – внимательный, заботливый, добрый. Он не отстраняется ни от меня, ни от детей. ТАМ все не очень серьезно, ТАМ все скоро кончится. Родик дорожит нашей семьей и нашим браком, просто у него помрачение рассудка, точно такое же, как было у меня с Олегом. Но у меня прошло. И у него пройдет. Может быть, не так скоро, как у меня, но рано или поздно пройдет. Он хороший отец, он любит наших детей и не променяет их ни на какую Лизу, будь она хоть трижды красавица и умница». Ей сейчас трудно было даже представить и вспомнить свое состояние тогда, в начале лета, когда Родислав показался ей стареющим, несвежим и помятым, когда она вдруг увидела дефекты его внешности и сравнивала ее с внешностью Олега, молодого, подтянутого и гладкого, когда муж внезапно стал для нее скучен и тягостен. «Как я могла так подумать? – недоумевала она. – Как я могла смотреть на Родика такими глазами? У меня, наверное, в голове помутилось. На меня тогда наваждение нашло».

Олег долго ничего не мог понять, он продолжал звонить Любе, постоянно подходил к ней на работе, караулил возле проходной или возле автобусной остановки, но примерно через месяц оставил ее в покое. Люба несколько раз замечала его в обществе новой сотрудницы, молодой, стриженной под мальчика худенькой блондинки, и тихо радовалась, что этот не самый лучший этап ее жизни остался позади. Теперь нужно было набраться терпения, душевных сил и деликатности и дожждаться, когда такой же этап останется позади и у Родислава, и тогда начнется новая жизнь, совсем другая, в которой они, поумневшие и приобретшие печальный опыт, будут бережнее относиться и друг к другу, и к их семье в целом.

* * *

Но дожждаться было не суждено.

В декабре на Москву обрушились невиданные морозы, закрывались детские сады, отменялись занятия в школах, кое-где лопались трубы и отключалось отопление. Клара Степановна теперь постоянно находилась у Романовых: Коля не ходил в школу, Леля – в садик, а Люба и Родислав вынуждены были ежедневно отправляться на работу. У них в квартире батареи еще грели, но все равно было ужасно холодно, все ходили одетые в два-три свитера, на ногах – по две пары толстых вязаных носков, а у Лели на ручках – тонкие пуховые перчатки, привезенные откуда-то из Скандинавии и подаренные Аэллой.

В один из таких дней Родислав пришел около десяти вечера и шепнул Любе:

– Нам надо поговорить.

Пока стояли морозы и Клара Степановна жила у них, ни о каких ночных поездках к Лизе не могло быть и речи, и Родислав бывал у любовницы по вечерам, придумывая для матери разные благовидные предлоги. И поговорить обо всем, что связано с их договором, супруги могли теперь только в спальне, потому что и на кухне, и в гостиной невозможно было спрятаться от внимательных глаз и ушей.

Люба кормила мужа ужином, то и дело прислушиваясь к бормотанию, доносящемуся из радиоприемника. Она, как многие в эти дни, постоянно ждала прогноз погоды в надежде наконец услышать заветные слова о том, что морозы ослабнут и начнется повышение температуры.

– ...введен в эксплуатацию первый агрегат крупнейшей в России Саяно-Шушенской ГЭС...

– Родислав, Лелю пора укладывать, – строго сказала Клара Степановна. – Пусть Люба уложит девочку, я сама за тобой поухаживаю.

Люба послушно вышла из кухни. Пусть мать пообщается с сыном, пусть почувствует себя хозяйкой: как она скажет, так и будет. Она ведь одна живет, после смерти Софьи Ильиничны ей и поруководить-то нечем.

– Мама, а завтра тоже будет холодно, как сегодня? – спросила Леля, уютно завернувшись в одеяло.

– Пока не знаю, солнышко.

– А когда ты будешь знать?

– Когда по радио передадут прогноз.

– А когда его передадут?

– Уже скоро. Наверное, прямо сейчас передают.

– Так тебе же не слышно! Иди послушай, потом мне скажешь. Только не обмани, обязательно приди и скажи, я не буду спать.

– Хорошо, солнышко, – Люба улыбнулась и поцеловала дочурку, – я послушаю и обязательно тебе все расскажу. А теперь ложись на бочок и думай о приятном.

– Я буду про лето думать, ладно? Летом тепло и солнышко светит.

– Хорошо, думай про лето.

Она вернулась на кухню и успела как раз к прогнозу.

– ...исключительно активные атмосферные процессы происходят на европейской территории страны... в Центральном районе трескучие морозы... холодная погода на Европейской части СССР в ближайшее время сохранится...

– Опять холодно, – жалобно простонала Клара Степановна. – Что же это делается? Дети не учатся, в сад не ходят. Хорошо, у вас бабушка Клара есть, а как быть тем, у кого нет бабушек? На кого детей оставлять?

«Хорошо, – внезапно подумала Люба, глядя на свекровь, наливающую сыну чай. – Пусть будут морозы. Пусть они будут как можно дольше. Потому что пока закрыт детский сад, Клара будет жить у нас, а пока она живет у нас, Родислав не ночует у Лизы. И вообще ездит к ней не так уж часто, а то мать что-нибудь заподозрит. Может быть, такая погода поспособствует тому, что у них все само собой сойдет на нет. Или они все-таки поссорятся из-за того, что Родик не может бывать у нее так часто и подолгу, как прежде».

– Баба Клара! – в кухню заглянул Коля. – Иди скорее, фигурное катание начинается.

– Ой! – подхватила Клара Степановна. – Спасибо, деточка. Чуть не пропустила. Там же мои любимые выступают Линичук с Карпоносовым и Володя Ковалев. Ну, Любочка, дальше ты уж тут сама управляйся, я к телевизору побегу. Вот спасибо Коленьке, что вовремя позвал, хороший он мальчик.

– Хороший мальчик, – усмехнулся Родислав, когда мать вышла. – Небось творит черт знает что, пока мы с тобой на работе. Мама с ним никогда не справится, он всегда знает, как

сделать так, чтобы быть «хорошим мальчиком». Тебя давно в последний раз в школу вызывали?

– Как раз перед тем, как морозы грянули, – вздохнула Люба. – Опять играл на деньги. И знаешь, что самое смешное? Директор на него кричит, а Колька ему спокойно отвечает: «В игре самой по себе ничего плохого нет, весь мир играет, кто в футбол, кто в шахматы, кто на бирже. Плохо, когда игра идет нечестная, мошенническая. А я играю честно. Меня никто ни разу за руку не схватил. Просто я более умелый, поэтому и выигрываю. В любом спорте выигрывает тот, кто сильнее. Я – сильнее».

– Аргумент, – согласился Родислав. – И много он выиграл?

– Пятнадцать рублей с копейками. Потом за эти деньги купил у какого-то пятиклассника диск «Бони М», который ему родители достали, и перепродал своему приятелю из соседнего дома за четвертной. Родик, меня это беспокоит.

– Ничего себе приятель у нашего сына! – удивился Родислав. – Имеет свободные двадцать пять рублей. В его-то возрасте!

– Этот мальчик постарше, он в техникуме учится. И мне не нравится, что у Коли какие-то денежные дела со старшими ребятами. Родик, надо что-то делать. Ты бы поговорил с ним.

– Любаша, ты же знаешь, сколько раз я с ним разговаривал. У него на все один ответ: «Ты прав, папа, мне нужно думать об учебе, и я обязательно возьму себя в руки и буду хорошо учиться». И смотрит ясными и честными глазами. Потом на пару недель затихнет, принесет из школы несколько пятерок, благо мозги у него хорошие и ему это не трудно, а потом опять все сначала. Могу себе представить, где он шатается целыми днями, пока уроков нет, а мы с тобой на работе.

– Я у Клары Степановны спрашивала, она меня заверила, что Коля только по ее просьбе ходил в магазин, а все остальное время был дома, с ней.

– Ну, ты ей верь больше. Она всю жизнь его покрывает. Моя мама испытывает к нашему Кольке необъяснимую слабость.

– Почему же необъяснимую? – улынулась Люба. – Он все-таки ее внук.

– Но и Лелька ее внучка, а мама явно Кольку любит больше.

– А ты ревнуешь?

– Кто? Я? – Родислав рассмеялся. – Вообще-то ты права, мне за Лельку обидно.

Любе на мгновение показалось, что так было всегда, так есть и так будет: Родислав пришел с работы, она кормит его ужином, и они обсуждают детей. Только так и может быть в нормальной семье, где царит любовь и взаимное доверие. И никаких чудовищных, страшных и невероятно глупых договоров.

– Ты о чем-то хотел поговорить со мной? – спросила она. – Давай сейчас, пока Клара Степановна смотрит телевизор.

Родислав отодвинул пустую чашку, потом зачем-то придвинул ее снова к себе.

– Налей мне еще чайку, только погорячее, я руки погрею, – попросил он.

Люба налила в чашку заварку, добавила кипятку. Родислав обхватил чашку ладонями.

– У нас с Лизой будет ребенок, – выпалил он, не глядя на жену.

«У нас». Не «у Лизы», а «у нас с Лизой». Люба почувствовала, как мир рушится вокруг нее.

– И что теперь будет? – тихо спросила она. – Ты уйдешь к ней?

– Конечно, нет. Мы же с тобой договорились. Просто теперь мне придется больше времени проводить с ней. И деньги... Ей нужны витамины, фрукты. Я буду давать ей больше денег. Если ты не возражаешь, – добавил он, по-прежнему не глядя ей в глаза.

– Какое я имею право возражать? Я тоже была беременной, даже два раза, и хорошо помню, как важно мне было твое внимание и твоя забота. И насчет витаминов и фруктов ты прав. Вот только насчет времени... Не знаю, Родинька, как это устроить. Ты и так бываешь у

Лизы достаточно часто, и пока твоя мама здесь, мы сильно рискуем. Ей не нравится, что ты почти каждый день задерживаешься на работе, у тебя теперь опять партсобрания, банкеты, юбилеи и Ленинская библиотека, – Люба горько усмехнулась.

– Прости меня, – негромко сказал Родислав.

– За что? Мы же договорились.

– Не за это. Я нагружаю тебя своими проблемами. В любом случае наши с тобой дети не должны от этого страдать.

– А твой ребенок от Лизы? Он что, должен страдать?

– Не знаю... Черт, черт, черт! – Он схватился руками за голову. – Я ничего не знаю. Я ничего не понимаю. Я не могу ее бросить.

– Не бросай. Она родит ребенка, и ты будешь помогать его воспитывать. Я тебе обещаю, Родинька, я не буду тебе мешать.

«Он не может ее бросить! – В голове у Любы все смешалось, перед глазами бегали черные мушки, и ей казалось, что она стала хуже видеть. – Почему? Потому что ребенок? Или потому, что слишком сильно ее любит? В любом случае теперь ЭТО никогда не кончится. Какая я дура! Зачем я предложила ему этот договор?! Как у меня язык повернулся? Но ничего другого я в тот момент сказать не могла, он хотел, чтобы было именно так, как я ему предложила. Все мужчины многоженцы по сути своей, они не выносят моногамии, и только та женщина, которая может с этим смириться, имеет шанс удержать мужа возле себя. Я не хотела развода, я хотела, чтобы у моих детей был отец, и не приходящий, а нормальный, постоянный, я хотела, чтобы Лелька росла здоровой и спокойной, я хотела, чтобы рядом с Колькой находился строгий и сильный мужчина, который мог бы хоть как-то повлиять на него. Но при этом я думала, что больше не люблю Родислава, и хотела дурацкой свободы для встреч с Олегом. И еще я хотела, чтобы у Родика все было хорошо, но понимала, что мой папа не простит ему развода и загубит его карьеру. Мне нужно было сохранить брак на любых условиях, и я эти условия придумала. И только на этих условиях Родик остался со мной. При всех других вариантах он ушел бы от меня».

– Родик, у вас в Академии знают про ваш роман?

– Кажется, нет. Мы с самого начала были очень осторожны.

– Смотри, ведь папа может узнать. Может быть, твоей Лизе имеет смысл перейти работать в другое место? Про беременность рано или поздно узнают, встанет вопрос: кто отец? Любопытных много, и кто-нибудь обязательно вспомнит, как вы вместе ходите в столовую или до метро. От глаз не спрячешься.

Она знала, о чем говорила. О ее романе с Олегом судачило все заводоуправление, и только договор с Родиславом позволял Любе сохранять спокойствие и не волноваться о том, что сплетни дойдут и до мужа. Но в Академии – совсем другое дело. Там работает масса людей, которые общаются с сотрудниками Министерства, и разговоры о внебрачном ребенке майора Романова, зятя замминистра Головина, обязательно дойдут до генерала.

– Мы никуда не ходим вместе, – ответил Родислав угрюмо. – Думаешь, я всего этого не понимаю? Мы встречаемся только у нее дома. Но все равно ты права. Надо Лизе перейти на другую работу.

«Она не захочет, – вдруг подумала Люба. – Ей не нужна другая работа. Ей нужна именно эта работа, потому что Академия – это ее шанс на то, что генерал Головин рано или поздно узнает правду и выгонит Родика из нашей семьи. Тогда он достанется ей. Я не могу этого допустить».

– Хочешь, я помогу ей с работой? – предложила она. – Поговорю с Аэллой, скажу, что Лиза – моя приятельница, я ведь всегда хорошо знаю всех, с кем ты работаешь, так что Аэлла не удивится. А уж она-то наверняка найдет хорошее место, с которого Лиза спокойно уйдет в декрет. У Аэллы куча возможностей и много связей.

– Ты действительно готова помочь? – вскинул голову Родислав.

– Конечно. Мы же друзья, – Люба постаралась улыбнуться как можно доброжелательнее. – И наша с тобой общая задача – сделать так, чтобы папа ничего не узнал. Ему и так тяжело, сперва Тамара, потом мама... Если еще и мы с тобой выступим, он не вынесет. У него после мамы был гипертонический криз, а это прямая дорога к инсульту.

Никто не должен знать, как ей больно. Никому она не может рассказать, что после разрыва с Олегом стала любить своего мужа во сто крат сильнее, чем прежде, и каждый его визит к любовнице для Любы пытка нечеловеческая, боль огненная, выжигающая все внутри. Если бы у души были мышцы, Люба сказала бы, что эти мышцы сводит судорогой. Она очень любила мужа, и она очень любила отца. И она готова была терпеть любую боль и любое унижение, лишь бы этим двум мужчинам было хорошо, лишь бы один из них не нанес удар другому.

* * *

На этот раз Змея звать не пришлось, он явился сам, выполз из-за пня, едва улегся ветерок, поднятый крыльями улетевшего за новой дозой информации Ворона.

– Как тебе это нравится? – ехидно спросил он. – Твой Родислав собирается жить на две семьи. Допрыгался.

– А что ему делать? – заступился за Родислава Камень. – Бросить Любиных детей, чтобы растить Лизиных? Или наоборот?

– Опять же зришь в корень, – одобрительно покачал головой Змей. – Дети всегда делают ситуацию безвыходной. Об этом надо помнить. А те, кто забывает, что от секса бывают дети, рано или поздно оказываются в ситуации, из которой ни ты, философ доморощенный, ни я, битый жизнью мудрец, выхода никогда не найдем, потому что его нет. И быть не может. Можно выбирать между двумя женщинами, между двумя или даже тремя местами работы или жительства, между синим костюмом и белым – это всегда выбор. А вот между детьми – это не выбор, и сделать его без ущерба для совести невозможно. Дети – они и есть дети, независимо от того, кто их родил, и любое решение должно приниматься только в их пользу. Потому я и говорю, что Родислав твой допрыгался. Надо было ему Лизу-то давно бросить, еще тогда, когда ему Люба договор предложила.

– Ну, это ты загнул! – не согласился Камень. – Люба ему договор предложила как раз в тот момент, когда он ее с любовником застукал. Где ты видел мужчину, который, застукав жену с другим, тут же принимает решение бросить собственную любовницу? Да ни за что на свете он так не сделает! Он может вторую даму сердца завести, даже и третью, и это будет понятно: переживает человек, крышу у него сорвало. Нет, в тот момент Родислав Лизу бросить никак не мог.

– А вот и мог, – тонко улыбнулся Змей.

– Ты опять что-то знаешь? – нахмурился Камень. – Знаешь и мне не говоришь?

– Я много чего знаю, но к моим аргументам это отношения не имеет. Речь идет о простой логике. Вот смотри: мужчина изменяет жене, причем даже не сильно старается, чтобы она ничего не заподозрила. Банкеты, партсобрания, левые билеты на самолет, которые он не удосуживается как следует спрятать, и все в таком же духе. При этом он не старается не потому, что хочет, чтобы она узнала, и не потому, что считает ее непроходимой дурой, а потому, что лень напрягаться. Согласен?

– Пока да, – осторожно ответил Камень.

– Он живет некоторое время в полной уверенности, что жена ничего не знает и ни о чем не догадывается. Он хорошо к ней относится и ни в коем случае не хочет причинить ей боль. Кроме того, он очень зависим от отца жены, поэтому развода он не хочет в любом случае. Согласен?

– Вроде пока да.

– Идем дальше. Он застаёт жену... ну, не совсем так, конечно, он просто обнаруживает, что жена не ночует дома, а рано утром ее до дома провожает молодой красивый парень, который страстно целует ее в губы. В общем, ситуация трактуется совершенно однозначно: у жены любовник. И муж испытывает острую душевную боль. У него стресс, да такой сильный – аж до рвоты. Было?

– Ворон говорил, что было.

– Теперь наступает очередь логики. Ты ведь философ, Камешек, значит, должен быть в логике силен. Что должен сделать Хомо Сапиенс? Он должен спросить себя: а почему, собственно говоря, мне так больно? Почему я испытываю такой стресс и такую боль, узнав, что моя жена делает ровно то же самое, что уже несколько месяцев делаю я сам? Если я считаю, что это нормально, то почему меня так удивляет, когда это делают другие? Должен он был себя спросить?

– Должен, – уверенно согласился Камень.

– И что он должен был себе ответить?

– Ты что, экзамен мне, что ли, устраиваешь? – гневно спросил Камень.

– Да боже сохрани! Куда мне тебя экзаменовать, тем более по части логики. Это я, как послушный ученик, тебе вопросы задаю, а ты, как всезнающий учитель, мне на них отвечаешь. Так что Родислав должен был сам себе ответить?

– Он должен был себе сказать, что все мужчины – собственники и терпеть не могут, когда женщины, которых они считают своей собственностью, начинают самовольно уходить. По крайней мере, уровень развития цивилизации и стиль мышления второй половины двадцатого века вполне позволяли Родиславу прийти к такому выводу. При наличии, естественно, мозгов и известной доли самокритичности.

– Уф! – Змей помотал высоко поднятой головой. – Опять ты свалил все в одну кучу. Насчет причин стресса ты все сказал правильно, однако с самокритичностью у Родислава большая напряженка, поэтому такие умные выводы он вряд ли сделает. Хотя в целом ты, безусловно, прав, и причина стресса, который он испытал, именно в этом, только Родислав сам этого не понимает. Это на уровне подсознания происходит. А на уровне сознания-то он что себе ответит?

– Ничего, – брякнул Камень, только чтобы отвязаться. Он уже понял, куда клонит Змей, и ему было немного неловко, что он сразу не догадался, а повелся, как полный лопух, и дал втянуть себя в пустые рассуждения.

– И снова ты прав. На уровне сознания у него ответа нет. Но у него и вопроса нет, потому что, если бы вопрос возник, он бы задумался и не наворотил тех глупостей, которые в результате наворотил. Таким образом, мы приходим к выводу, что Родислав совершил глупость, не прислушавшись к себе и к своим реакциям и не задав себе совершенно очевидного вопроса. Глупость номер один.

– А что, и номер два есть? – с интересом спросил Камень.

– А как же! Я тебе что сказал? Что Родислав в описываемый момент испытал не только стресс, но и боль. Стресс – это возмущение собственника, и с ним мы вроде как разобрались. А вот боль-то откуда взялась?

– Так оттуда же, откуда и стресс.

– Э, нет, мил-друг, боль – это совершенно из другой оперы. Тысячи мужчин узнают, что жены им изменяют, и испытывают только возмущение, но никак не боль. Потому что боль является признаком – чего?..

– Любви, – со вздохом ответил Камень.

– Вот именно. Любви. Должен Родислав был, как разумный человек, услышать эту боль и прислушаться к ней, спросить себя: а почему это мне так больно? Должен был? Должен. – Змей

уже не ждал ответов Камня, он сам задавал вопросы и сам же на них отвечал. – Прислушался он? Нет. Спросил себя? Опять же нет. Все мимо него прошло, пролетело, просквозило. А вот если бы прислушался и спросил и если бы ему еще ума хватило ответить себе честно, то он бы понял, что на самом деле дорожит Любой и детьми куда больше, чем своими плотскими потребностями. И это была глупость номер два. Плотские утехы – они что? Сегодня есть, а завтра их нет, сегодня они сладкие, а завтра никакие, а послезавтра уже кажутся скучными и ненужными. Все люди через эту метаморфозу проходят, все до единого, но никто выводов не делает. Тупицы! Им жизнь с ранних лет дает бесценный опыт, она их с молодых ногтей учит: физическое влечение быстро затухает, поэтому не нужно обращать на него внимание и ставить во главу угла при решении серьезных вопросов. Так нет! Человеческие особи только из одной истории с болью и кровью выпутаются – и тут же влипают в следующую.

– А глупость номер три есть?

– погоди, и до нее дойдем, – пообещал Змей. – И вот Люба предлагает ему договор, то есть выход, который должен его на тот момент устроить по всем параметрам. И он радостно соглашается. Это и есть глупость номер три. То, что она предложила, было так удобно, так комфортно, что у него просто не хватило сил отказаться. Люба – она умная, она сыграла на его слабом месте, на нежелании напрягаться. А он и повелся.

– Тебя послушать, так Люба – образец хитрости и коварства, на слабостях играет, – недовольно заметил Камень. – Она не такая вовсе.

– Да конечно же, она не такая! Она действует интуитивно, для нее в тот момент самым главным было не допустить, чтобы Родислав собрал вещи и ушел, и она сделала единственно возможное, что могло бы его удержать. Она нутром почуяла, что именно надо ему предложить, чтобы он остался. Но только она не подумала о последствиях. Ну вот, он остался. А дальше что? Дальше дети пойдут, и начнется кошмар. Вот о чем им обоим надо было в тот момент подумать. А они не подумали. Вот если бы Родислав в ответ на Любино предложение задумался минут хотя бы на пять и представил себе перспективу, он бы вспомнил, от чего дети родятся, и понял бы, что если ему больно и он дорожит Любой и детьми, то Лизу надо немедленно бросать. Немедленно. Пусть через мучительную боль, через слезы, через страдания, но бросать, пока все не зашло слишком далеко. И Любе надо было бы настаивать именно на этом. Она могла бы предложить ему помощь, понимание и поддержку, но она должна была доказать ему, что если он не хочет через очень короткое время выбирать между детьми от разных женщин, то надо остановиться уже сейчас. В общем, это я к тому, что и Люба тоже наворотила – будьте-нате! Я ее никоим образом не оправдываю. Сама предложила – сама и получила результат. Итак, вернемся к началу нашей бурной и плодотворной дискуссии. Я обещал тебе доказать, что у Родислава были все информационные возможности принять правильное решение и отказаться от отношений с Лизой, но он ими не воспользовался. Если бы он испытывал только возмущение собственника, то ему легко было бы бросить жену и уйти. Повод был отличный. И плевать на тестя с его поддержкой, и на мебельную «стенку», и на раздел имущества, и на очередь на машину! Плевать на все это! Главное – это Лиза и их любовь. Плюнул? Нет. Ушел? Нет. Значит, не так уж она ему дорога. Значит, на самом деле Люба и дети ему дороже. Чего ж он, козел, сам к себе не прислушался и выводов не сделал?

Камень некоторое время молчал, обдумывая доводы Змея.

– А может быть, дело не в том, какая из этих двух женщин ему дороже, а в том, что он сам себе дороже всех на свете, – предложил он свой вариант. – Ему с Любой удобно, а с Лизой празднично, ему в этой ситуации очень хорошо, он ничем не мучается и имеет полное физическое – с Лизой – и душевное – дома – удовлетворение. Решений принимать не надо, напрягаться не надо, врать не надо – ну чем не житуха? И все его любят, и для всех он хороший. Да он в этой ситуации как рыба в воде. Как думаешь?

– Думаю, что ты прав, Камешек. Только вот теперь ребенок у него с Лизой будет, тут без решений и напряжения не обойтись. Где у него мозги-то, у твоего Родислава? У него же есть двое детей, должен понимать, что почем, и про ночи бессонные, и про болезни, и про хлопоты.

– Да много он знает про эти бессонные ночи! – пренебрежительно бросил Камень. – Люба же все на себя брала, ничем мужа не нагружала, только бы ему было хорошо. Он небось думает, что и с Лизой и ее ребенком все будет точно так же. Он будет приходить, когда ему удобно, Лиза, свежая и цветущая, в красивом белье, будет его с нетерпением ждать и укладываться с ним в постель, ребенок в это время будет крепко спать и никому не мешать, а потом они в Лизой постоят минут десять над колыбелькой, посмотрят на мирно спящего младенца в кружевах, поумилятся, обнявшись, и он поедет домой, к Любе. Вот так примерно он эту картину видит. Ворон, конечно, все самое главное пропустил, там, где Лиза объявила Родиславу насчет ребенка, он не был и ничего не слышал, так что мы с тобой не знаем, как наш Родик отреагировал на новость. Может, он уговаривал Лизу сделать аборт? Или, наоборот, она хотела от ребенка избавиться, а он уговорил рожать? Ничего мы с тобой не знаем, приходится только догадываться.

– Это что, намек? – Змей напряг мышцы, отчего все тело его пошло красивыми переливчатыми волнами. – Ты меня за подробностями хочешь отправить, что ли?

– А тебе самому разве не интересно?

– Ну, как тебе сказать... Любопытно, конечно. Ладно, что с тобой сделаешь, схожу гляну, как там дело было.

* * *

Родислав ворочался в постели, впервые за долгое время не думая о том, что мешает Любе спать. Впрочем, он точно знал, что она тоже не спит. Какой уж тут сон после таких-то новостей!

О том, что Лиза беременна, он узнал две недели назад, но только сегодня она заявила, что решила оставить ребенка. Родислав надеялся в глубине души, что Лиза сделает аборт, ему было вполне достаточно своих двоих детей, к расширению отцовства он не стремился, но самому настаивать на прерывании беременности у него язык не повернулся. И когда сегодня она объявила о своем решении, он подумал: «Пусть. Пусть будет ребенок». Он представил себе, как она будет плакать, если он только заикнется об аборте, как станет упрекать его, настаивать... Нет, этого он не вынесет. В конце концов, когда-нибудь все разрешится, Николай Дмитриевич выйдет на пенсию и не будет больше представлять угрозу для карьеры Родислава, Коля окончит школу, повзрослеет и как-нибудь выправится, Леля вырастет и перестанет быть такой чувствительной, ранимой и уязвимой, и можно будет спокойно развестись и жениться на Лизе. И тогда вопрос об их общих детях все равно встанет. Так почему бы не сейчас? Какая, в сущности, разница?

Бросать Лизу он не собирается. Он не может отказаться от праздника, легкого и радужного, который наступает каждый раз, когда он переступает порог ее квартиры. Он всегда мечтал о такой, как Лиза... Еще в четырнадцать лет ему нравилась Аэлла Александриди, и в пятнадцать, и в шестнадцать, он мечтал о ней, видел во сне, он бешено ревновал ее к Андрею Бегорскому, когда вдруг казалось, что девушка выказывает другу особую благосклонность. Но в то же время Родислав ее побаивался, он чувствовал, что планка Аэллы слишком высока для него и он, пожалуй, не сможет ей соответствовать. Потом был тот зимний день в шестьдесят четвертом году, когда она предложила ему себя. К тому времени он уже был близок с Любой, и юношеские мечты об Аэлле отошли куда-то далеко-далеко, и яркая черноглазая смуглая красавица его больше не привлекала, наоборот, отпугивала своей энергией, своим напором и темпераментом. Но только в тот момент... Потому что прошло несколько лет, он начал работать следователем, повзрослел, оперился, осмелел в отношениях с женщинами и все чаще вспоми-

нал тот эпизод на даче и жалел, что не воспользовался случаем. Эх, дурак! Надо было пойти Аэлле навстречу. Нет, конечно, жениться следовало только на Любе, это даже не обсуждается, но почему было не попробовать такую зажигательную, задорную красотку? Чем больше времени отделяло Родислава от того зимнего дня, тем чаще он испытывал сожаления об упущенных возможностях и тем сильнее хотел непременно попробовать, а какова же близость с такими женщинами, как Аэлла. Но «такие» ему пока не попадались. Пока. До тех пор, пока он не встретил Лизу, такую же черноволосую и темноглазую, невысокую, с тонкой талией и пышной грудью, темпераментную и живую. Внешне она походила на Аэллу, но внутренне отличалась, была жизнерадостнее и проще, и планка притязаний у нее была куда ниже, чем у гречанки. Она не ждала от Родислава умных разговоров о новинках театра и литературы и не требовала, чтобы он водил ее на премьеры и концерты, которые он терпеть не мог. Он даже не мог себе представить, как мог бы раздеться в присутствии Аэллы, настолько нелепым казался ему вид мужчины в трусах и носках в присутствии надменной и высокомерной красавицы. С Лизой все было просто, она ничего не стеснялась и пресекала всякое стеснение со стороны возлюбленного, она обожала ходить по квартире в одном белье, примерять перед Родиславом новый бюстгальтер, а после любовных утех если не приносила ему кофе в постель, то любила посидеть за чашкой кофе на кухне голышом. И в постели она проделывала такие фортели, которые совершенно невозможно было представить себе в исполнении Аэллы. Лиза никогда его не критиковала, и это делало ее похожей на Любу, но в отличие от Любы она не искала для него слова оправдания, она просто ни во что не вникала, не слушала внимательно, а при каждом удобном случае повторяла:

– Ой, Родик, какой же ты умный! Я тебя просто обожаю!

И бросалась ему на шею, и целовала, и щекотала, и дурачилась, и смеялась. Никогда в жизни Родислав Романов не хохотал так много и так упоенно, как с этой чудесной девушкой, для которой главной была радость жизни, радость чувственная, телесная, а не какие-то там не помытые вовремя чашки или непротертый пол. Да подумаешь, чашка! Велика важность. И годами не стиранные шторы, и пыль в углу прихожей, и пятно на кухонном столе – все это ерунда по сравнению со счастьем быть вместе и наслаждаться каждой минутой. То, что было таким значимым для его жены, для любовницы не имело ровно никакого значения. Время, проводимое с ней, было ослепительным праздником, отказываться от которого Родислав не собирался. И если для того, чтобы этот праздник не ушел из его жизни, нужно, чтобы Лиза родила ребенка, – пусть рождает. Он не обещал ей развестись с Любой и жениться, но и никогда не говорил, что об этом не может быть и речи. Он вообще не говорил ничего определенного, ибо любая определенность предполагает принятие решений, от которых Родислав всячески уклонялся. Да, у них с женой такие отношения, при которых он может позволить себе оставаться у Лизы на ночь, но это не означает, что он может у нее жить постоянно: у него дети, и они пока еще недостаточно взрослые, чтобы правильно понять отца и смириться с его уходом. И об этих отношениях не знает никто, самое главное – не знает и не должен ни в коем случае узнать тесть, от которого зависит карьера Родислава. Одним словом, пока все останется прежним, а насчет будущего... Он отвечал уклончиво, полунамеками, то ли соглашался, то ли отказывался. Но никаких твердых обещаний он Лизе не давал. Он хотел быть с ней – это Родислав знал точно. А вот хочет ли он быть с ней в качестве мужа, он и сам не знал. И не очень об этом задумывался. Потому что такое «задумывание» означало напряжение и принятие решений, а Родислав Романов не любил ни того, ни другого.

– Любаша, ты спишь? – шепотом позвал он.

– Нет.

– Можешь со мной поговорить?

– Конечно.

– Ты меня презираешь?

Люба приподнялась на локте и посмотрела на мужа.

– Ну что ты, Родинька. За что мне тебя презирать?

– За все это... Ты не думай, я очень люблю наших ребят, и я не буду любить их меньше. Просто пойми, Лиза тоже имеет право на ребенка, я не могу ее ограничивать...

– Ну что ты, – повторила она, – ты очень хороший отец, и я это знаю и не сомневаюсь в тебе. Ты и Лизину ребенку будешь хорошим отцом, ты будешь о нем заботиться, будешь помогать, я не стану тебе в этом мешать.

– Спасибо тебе. Я еще хотел спросить...

– Да?

– У тебя с тем парнем... Ну, я заметил, что ты перестала задерживаться после работы. Вы где встречаетесь?

– Мы не встречаемся больше.

– Почему?

Он резко поднялся и сел в постели.

– Вы поссорились?

– Нет, просто все закончилось.

– Но почему?

– Потому что это не может длиться вечно. Все когда-нибудь заканчивается.

Люба говорила спокойно, и Родислав не мог понять, переживает она разрыв с любовником или относится безразлично.

– Он тебя бросил? Или ты его?

– Он меня не бросал. Мне стало скучно с ним. С тобой мне всегда есть о чем поговорить, что обсудить, а с ним мне и разговаривать-то не о чем. Молодой, глупый. Нас с тобой многое связывает, у нас общее прошлое, общие дети, общие друзья, а с ним меня не связывает ничего.

– Кстати, о друзьях, – спохватился Родислав. – У Андрея послезавтра день рождения, он нас ждет. Пойдем?

– Конечно, обязательно пойдем. А что с подарком?

– Не знаю. – Он поежился и снова улегся под одеяло. – Такой холод стоит, что я даже подумать не могу, чтобы ездить по магазинам выбирать подарок. А ты как думаешь?

– Я что-нибудь придумаю, ты об этом не беспокойся. Андрей не говорил, кого он еще позвал?

– Аэллу, как всегда. Если у нее сейчас кто-нибудь есть, то она с ним и придет, а если нет – тогда одна. Больше, кажется, никого, Андрюха не любит больших сборищ. Любаша, ты Аэлле не говорила про нас с тобой?

– Нет, что ты. Мы же с тобой договорились, что никто не должен знать. А ты? Ты Андрею сказал?

– Нет. Никому не говорил. Лиза, в общем, в курсе, она же видит, что я свободно прихожу к ней ночевать, и догадывается, что у нас не все гладко. А больше никто.

– Ну и хорошо. И не нужно никому ничего знать. Спи, Родинька. Все будет хорошо.

Он плотнее закутался в одеяло, но от оконных стекол веяло таким холодом, что впору было спать в одежде. Родислав включил лампу, вылез из постели, прошлепал к шкафу, достал майку и теплый свитер. Сняв пижамную куртку, оделся потеплее и снова улегся.

На этот раз ему удалось уснуть.

* * *

– Алка, ты неисправима, – рассмеялся Андрей Бегорский, потягиваясь в постели. – Почему тебя всегда тянет на умные разговоры, когда можно просто поваляться и помолчать?

Аэлла Александриди в кружевном воздушном пеньюаре сидела в кресле, стоящем посреди спальни, и пила вино из бокала на высокой тонкой ножке. Несмотря на трескучие морозы, в комнате было очень тепло – Аэлла расставила по всей квартире электрические обогреватели. «Я же южанка, – с милой улыбкой говорила она. – В вашем климате мне всегда холодно».

– Ни один уважающий себя интеллигент не имеет права не интересоваться «Метрополем», – высокомерно заявила она. – Конечно, куда тебе, простому инженеру, это понять. Аксенов, Фазиль Искандер, Высоцкий, Ахмадулина – для тебя эти имена пустое место. Ты всегда был безграмотным.

– Ну, не скажи. «Затоваренную бочкотару» Аксенова я читал и, помнится, очень веселился. Стихи Ахмадулиной тоже слышал, в «Иронии судьбы», Пугачева пела. Про Высоцкого я уж молчу, его творения вся страна знает. Так что я не безнадежен, – засмеялся Андрей. – А тебя по-прежнему тянет на все элитарное, недоступное большинству, да?

– При чем тут элитарность!

– Ой, Алка, я же тебя столько лет знаю! Что ты мне вкручиваешь? Что я, не понимаю, что для тебя важно?

– Ну, и что же для меня важно? – надменно спросила Аэлла.

– Чтобы то, что у тебя есть, или то, что ты знаешь, было недоступно простому большинству. У тебя все должно быть самое редкое или самое лучшее. Алка, не выпендривайся, я тебя насквозь вижу. И перестань пить вино, я терпеть не могу, когда от женщины пахнет алкоголем. Бросай свой умный вид, снимай свою кружевную тряпочку и иди сюда.

Аэлла отставила бокал с вином и легла рядом с ним.

– Андрюшка, ну почему я все тебе прощаю, а? Никому не позволяю так с собой обращаться, как тебе. Никто не смеет называть меня Алкой. А ты, паразитская морда, смеешь!

– Ты питаешь ко мне слабость, – усмехнулся он. – Впрочем, как и я к тебе. Ведь знаю, что ты кукла расфуфыренная, а все равно мне тебя жалко.

– Тебе?! – Аэлла изобразила возмущение и набросилась на него с кулачками. – Меня?! Жалко?! Да как ты смеешь, несчастный инженеришко! Кто ты такой, чтобы меня жалеть?

Она колотила его поверх одеяла, а Бегорский делал вид, что уворачивается. Эта сцена повторялась из раза в раз с различными вариациями: повод для нее бывал каждый раз новым, но результат – одним и тем же. Аэлла сердилась и била его, а он смеялся и просил пощады.

– Не смей называть меня расфуфыренной куклой! Я – один из лучших в стране пластических хирургов, а ты – никто. Я – красивая и богатая свободная женщина, а ты...

– А я некрасивый и небогатый инженер, но тоже, между прочим, свободный и тоже один из лучших в своем деле. Так что разница между нами невелика.

– Я делаю тебе одолжение, позволяю приехать сюда и лечь в эту постель!

– Я тоже делаю тебе одолжение, приезжаю и утешаю тебя, несчастную, и жалею, и ублажаю, когда больше некому это сделать. Все, Алка, кончай драться, ты мне последние волосенки повыдергаешь!

– Сдаешься?

– Сдаюсь. И в знак моего полного поражения пойдешь приготовить мне поесть.

Аэлла покорно вставала и шла на кухню. Она умела вкусно готовить, но делала это крайне редко, предпочитая покупать готовую еду в кулинариях при дорогих ресторанах – доходы позволяли. У нее в холодильнике всегда были на выбор три-четыре салата и парочка мясных изделий.

– Что тебе пожарить, куриные котлеты или ростбиф? – крикнула она из кухни.

– Сосиски сварить! – громко ответил Андрей.

– У меня нет сосисок, – Аэлла заглянула в комнату. – Я их не покупаю.

– Тогда сардельки.

– Ты что, издеваешься?

Она сдернула с него одеяло и швырнула на пол.

– Я предлагаю тебе блюда из натурального мяса, а ты требуешь каких-то немыслимых поддельных продуктов.

– Я прошу только того, к чему привык на свою зарплату инженера. И, между прочим, сосисками и сардельками питается вся страна.

– Я – не вся страна!

– Вот я и говорю: ты любишь, чтобы у тебя все было не такое, как у других. Простая ты, Алка, как три копейки, вся твоя сущность невооруженным глазом видна.

В ней снова проснулась надменная красавица.

– Я – не такая, как все, поэтому не требуй, чтобы у меня все было как у всех.

– Да ничего я от тебя не требую! Нужна ты мне! – Он снова расхохотался. – Это ты от меня требуешь.

– И чего же, интересно?

– Чтобы я считался с тем, что ты не такая, как все. А я с этим считаться не намерен, потому что ты ничем особенным не выделяешься. Ну, ты красивая, но красивых много, а есть и получше тебя. Ну, ты достигла высот в своей профессии, так огромное количество людей достигло того же самого. Например, я. Или Томка Головина. Или ее муж. К тебе многомесячные очереди на операции, к ним – на прическу или на пошив. Так чем ты лучше? Брось мне халат, будь добра.

– Ты что, собираешься в халате сесть за стол?

– Ну не голым же. Конечно, в халате.

– Сколько раз я говорила, что выходить к столу в халате – это дурной тон! В халате можно позволить себе выпить первую чашку кофе рано утром, но даже завтрак следует съедать прилично одетым.

– Алка, кончай свой выпендреж! – Андрей рывком выбросил из-под одеяла крепкое худощавое тело с сильными мышцами и потянулся к стулу, на котором валялся небрежно брошенный мужской махровый халат. – Ты уже допрыгалась со своими требованиями, три мужа тебя бросили, а уж сколько любовников – и не сосчитать. Уймись, оставь нас, несчастных, в покое, дай нам пожрать в халате и поваляться перед телевизором.

– Во-первых, в моем доме этого никогда не будет! – заявила Аэлла, шагая следом за ним на кухню. – Никто не будет сидеть за накрытым столом в халате. И никто не будет валяться перед телевизором, задрав ноги и попивая пиво. Я этого не потерплю.

– Не терпи. – Он уселся за стол и сунул в рот кусок хлеба. – Но для меня сделай исключение. А что во-вторых?

– Во-вторых, меня не три мужа бросили, а только два. Третьего я бросила сама.

– Это ты про поэта? – вздернул брови Андрей. – Ну да, помню. Ты решила, что он бездарный алкоголик. А кто сделал его алкоголиком, если не ты сама своими непомерными требованиями? Он хотел творить в тиши дачного поселка, а ты гоняла его по выставкам, концертам и премьерам, ты заставляла его ходить с тобой в квартиры, где бородатые мальчики корчат из себя диссидентов и обсуждают мировые проблемы. Да им до настоящих диссидентов как до луны! Куда было деваться бедному поэту? Ему нужно было бежать от тебя в сторону развода, а он побежал в сторону рюмки. Ну, немножко перепутал направление, но смысл его действий остался все тем же: он от тебя убегал. Так что есть все основания считать, что это он тебя бросил, а не ты его. Э-э-э, что ты делаешь?

– Я собираюсь жарить ростбиф, – удивленно ответила Аэлла, когда Андрей попытался отстранить ее от плиты. – А в чем дело?

– Немедленно оденься! Ты что, с ума сошла? Сними свои кружева, надень что-нибудь попроще, повяжи фартук и косынку на голову не забудь. Я не потерплю волос в пищеблоке.

– Слушай, – возмутилась Аэлла, – на моей кухне я сама буду командовать. Не хватало еще, чтобы ты у плиты мной руководил.

– Конечно, я буду руководить. А как же тобой не руководить, если ты сама все сделаешь не так!

Он начал мягко, но настойчиво выталкивать ее из кухни.

– Иди, Алка, иди, оденься, возьми фартук и косынку, потом я тебе скажу, что делать дальше.

Через несколько минут она появилась в обтягивающих джинсах и в футболке с глубоким вырезом, открывающим полную грудь. В руках у нее была яркая шелковая косынка.

– Волосы заколи, подними вверх и заколи, – потребовал Андрей. – Вот так, теперь повязывай косынку.

Аэлла сделала кокетливую повязку на голове.

– Устраивает?

– Конечно, нет, – он придирчиво оглядел ее голову. – Вот здесь и здесь торчат пряди. Когда женщина готовит на кухне, голова должна быть плотно повязана, чтобы ни один волосок не попал в пищу. Всею тебя, Алка, надо учить! Давай повязывай как следует.

Она перевязывала платок несколько раз, пока результат его не удовлетворил.

– Теперь фартук.

– Каждый раз одно и то же, – пожаловалась Аэлла. – Ты меня угнетаешь, а я тебя слушаю. И почему я все это терплю?

– Потому что я умнее и больше знаю, – спокойно ответил Бегорский. – Показывай, какие у тебя сковородки, я сам выберу, какую надо.

– Ты что, даже выбор сковородки мне не доверяешь? – изумилась Аэлла.

– Что значит – даже? Правильно выбранная сковорода – это восемьдесят процентов успеха повара.

Он оглядел ее кухонный арсенал, выбрал сковороду, потом сам довел ее на огне до нужной температуры, сам определил количество масла и точно указал Аэлле длительность обжарки мяса.

– Может, ты сам и пожаришь, раз ты все так хорошо знаешь? – ехидно прищурилась она.

– Ну уж нет, стоять у плиты – прерогатива женщины. А вот давать ей указания – прерогатива мужчины. Я свою задачу выполнил. Теперь, если ты в точности исполнишь мои указания, мы будем иметь вполне приемлемый ужин. У тебя есть свежие помидоры?

– Помидоры? – Аэлла вытаращилась на Бегорского. – Посреди зимы? Ты на каком свете живешь?

– На том, на котором живет необыкновенная Аэлла Александриди, у которой всегда есть то, чего нет ни у кого другого, – поддел он. – Ты же так этим гордишься! А помидоров у тебя нет. Плохо. Скажи своим пациентам из южных республик, что это непорядок. Пусть поработают в этом направлении.

– Зачем тебе помидоры?

– А с чем ты собираешься подавать мясо?

– У меня есть «оливье», салат с крабами...

– Даже слушать не хочу! – оборвал ее Андрей. – С мясом можно есть только помидоры, тогда еда будет полезной. В самом крайнем случае огурцы и зелень. Но уж никак не эту безумную мешанину с майонезом.

– У меня огурцы только маринованные, из банки... – растерянно произнесла Аэлла.

– Плохо. Ну ладно, давай маринованные из банки, это в любом случае лучше, чем твои ресторанные салаты. Теперь так: что у тебя с чаем?

Аэлла молча вынула из навесного шкафчика и поставила перед ним несколько жестяных банок с разными сортами чая. Андрей долго нюхал содержимое каждой банки, выбрал чай,

потом потребовал предъявить заварочный чайник, забраковал его и потребовал другой. Аэлла открыла мебельную «стенку» и вынула еще два чайника из разных сервизов. Андрея устроил только английский фарфор.

– Раньше ты не был таким придиричивым, – с неудовольствием заметила она. – Откуда такие замашки?

– Все меняется, ничто не остается постоянным, – улыбнулся Андрей. – Я все время чему-то учусь. За то время, что мы не виделись, я прошел хорошую школу у опытного повара. Она многое мне объяснила и многому научила.

– Она?

– Она. А что тебя не устраивает?

– Твоя нынешняя подружка – повар? – В голосе Аэллы явственно послышалось пренебрежение.

– Она не просто повар. Она – шеф-повар одного из лучших ресторанов и победитель нескольких международных конкурсов. Она – лучшая в своем деле. Это к слову о лучших по профессии. И если бы я не питал к тебе слабость, я бы не простил тебе твоего тона. Перестань задирать нос, ты ничем не лучше всех остальных людей.

– Но ты же питаешь слабость только ко мне, – улыбнулась Аэлла. – Значит, я лучше.

– Ты неисправима, – усмехнулся Андрей. – Давай жарь мясо, я тебя проконтролирую. И не забудь, завтра у меня день рождения, придут Романовы, и тебя я тоже жду.

– Одну?

– Я всегда выписываю тебе приглашение на два лица, а уж как им распорядиться – твоя воля. Только насчет подарка не заморачивайся, принеси лучше бутылку хорошего спиртного, у тебя всегда есть.

После ухода Андрея Аэлла начала готовиться к завтрашнему визиту. Нужно приготовить подарки для Любы и Родислава, у нее давно отложены пакеты для них, хотела еще два месяца назад отдать, но умерла Зинаида Васильевна, и Аэлле показалось нелепым ехать на похороны и поминки с подарками, а потом она закрутилась на работе и так и не выбралась к Романовым. И Тамары теперь нет в Москве, раньше хоть через нее можно было передать. И куда она сунула эти пакеты? Надо еще продумать, в чем пойти, а потом решить проблемы подарка для Андрея. Мало ли что он сказал! Никогда такого не было, чтобы Аэлла Александриди приходила даже просто в гости с пустыми руками, что уж говорить про день рождения. Для нее сделать подарок – самая большая радость, особенно когда подарок этот – не пустой знак внимания, не сувенир, а дорогая хорошая вещь, которую одариваемый не может позволить себе сам, а если и может позволить по деньгам, то у него нет возможности ее достать. Зато у Аэллы возможностей миллион, а уж жадной она никогда не была.

Пакеты нашлись, наступила очередь туалета для завтрашнего выхода. Конечно, Андрей празднует день своего рождения не в ресторане, для него это дороговато, собирает друзей дома, но все равно надо появиться в таком виде, чтобы все ахнули и сразу поняли: у Аэллы Константиновны Александриди все в таком порядке, какого у них, несчастных и обездоленных, никогда не будет. Можно надеть вот это длинное платье с воланами на юбке, очень модное в Европе, но оно из тонкой ткани, а у Андрея в квартире холодно, он сам говорил. Аэлла остановила свой выбор на черном бархатном жакете, простеганном и отделанном золотой тесьмой. Конечно, по замыслу модельера, к нему полагались бы узкие черные бриджи, черные чулки и лаковые лодочки, и все это было в шкафу, но ведь такой холод на улице! Если надеть бриджи, то высокие зимние сапоги не застегнутся на полных ногах Аэллы, она и на тонком чулке едва-едва затягивает молнию, а куда ж в декабре без сапог? Не в туфлях же идти. Она, безусловно, поедет на машине, но печка ее бежевой «Волги» не выдержит конкуренции с тридцатью пятью градусами мороза. Придется надеть широкую черную юбку, но и это будет совсем неплохо.

С выбором туалета было покончено, и Аэлла взялась решать проблему подарка для Бегорского. Осмотрев имеющиеся запасы, она выбрала две бутылки шотландского виски – одну для именинника, другую для Родислава – и пару блоков сигарет «Мальборо», тоже для Романова, пусть побалуется. Андрей не курит, ему такие подарки ни к чему. Больше ничего такого, что сгодились бы для подарка мужчине ко дню рождения, у нее не обнаружилось. Если бы речь шла о женщине, Аэлле было бы куда проще, ее шкафы буквально ломились от белья и одежды, сумочек и поясов, которые ей дарили или давали возможность приобретать, и все это было новеньким, в фирменных пакетах и с бирками. Но вот мужских подарков, кроме спиртного и сигарет, которые Аэлла рассматривала только в качестве сувениров, у нее как-то не водилось.

Она села в кресло, подвинула к себе телефонный аппарат и набрала хорошо знакомый номер.

– Ленечка? Здравствуй, дружок. Мне опять нужна твоя помощь... Да, подарок для мужчины, которому исполняется тридцать пять лет... Дорогой, конечно... Дубленка? Хорошая? Нет, дубленку он не возьмет, хотя ходит в каком-то задрипанном полупальто... Нет, Ленечка, не возьмет, для него будет удар по гордости. Что у тебя еще есть? Шапка? Ондатровая? Тоже не возьмет. Леня, мне нужно что-нибудь не бьющее по самолюбию, но изысканное. Ну подумай, дружок, подумай как следует! Что?.. Перчатки? Лайковые? Утепленные? Отлично! Даже не спрашиваю, сколько стоит. Беру. И еще одна просьба, дружок... Ну конечно! Конечно, мой золотой! Ты всегда меня так выручаешь! Да, завтра. В семь. Я за тобой заеду в половине седьмого, подарок не забудь захватить. Договорились!

Ну вот, теперь все проблемы решены. Есть подарок для Андрея, и есть кавалер, с которым не стыдно показаться друзьям. Ленечка работал во Внешторге, обладал красивой внешностью, которой отчасти был обязан самой Аэлле, исправившей его кривоватый нос, и всегда был отлично одет, что позволяло Аэлле Александриди брать его с собой в тех ситуациях, когда другого кавалера не было, а появляться одной по каким-то причинам не хотелось. Ну и что, что Андрей понял: ее бросил очередной любовник. Ну и что, что он знает: Аэлла звонит ему и предлагает приехать только тогда, когда ей необходимо убедиться в собственной привлекательности, потому что эту убежденность только что кто-то поколебал. Все равно, он должен думать, что у нее все в порядке, и все остальные тоже должны так думать. У нее не может быть проблем, потому что Аэлла Александриди – самая лучшая, самая успешная, и у нее всегда все хорошо. И вообще, она не такая, как все. Мало ли что о ней подумает этот жалкий инженеришка, которому она только по старой дружбе, только в память о дачном детстве позволяет называть себя Алкой и сомневаться в ее превосходстве! Что бы он ни подумал, все равно он подумает неправильно. Не очень-то он ей нужен, просто, когда у нее освобождается немного времени, она готова позволить ему приблизиться, она соизволяет бросить подачку с барского плеча. Жалко ведь парня, с детства в нее влюблен, так пусть порадует, когда у нее, Аэллы, есть свободная минутка и нет обязательств перед другим мужчиной.

* * *

День рождения Андрея Бегорского получился, как и всегда, веселым, уютным и принес Аэлле немало приятных минут. Во-первых, всем очень понравились ее подарки, Андрей был доволен перчатками, тонкими, теплыми и пришедшимися как раз по руке, Родислав тут же распечатал один из подаренных ею блоков «Мальборо» и с наслаждением закурил вкусную американскую сигарету, а Люба – та просто расплылась от восторга, когда распаковала принесенные пакеты и увидела норвежский свитер и джинсы «Рэнглер» для Николаши и очаровательную маленькую дубленочку цвета кофе с молоком для Лели. Для самой Любы в пакете лежала темно-бордовая коробка с французскими духами «Же Озе».

Во-вторых, Аэлла еще раз смогла убедить себя в том, что брак Романовых вряд ли можно считать удачным. Нет, Родислав и Люба по-прежнему выглядели дружной парой, но Аэлла заметила напряжение между ними – не то остатки недавней ссоры, не то хроническое недовольство друг другом. И выглядят оба неважно, у Родислава мешки под глазами и взгляд какой-то затравленный, а Люба вообще потухшая, затурканная, замученная домашними заботами. Конечно, она недавно похоронила мать, и трудно ожидать, что она будет выглядеть цветущей и радостной, но все-таки... И волосы у нее не такие ухоженные, как раньше, когда Тамара за ними регулярно следила, и морщинки вокруг глаз появились, и одета она как-то... В общем, как была она «не парой» для Родислава, так ею и осталась. Несчастный дурачок, позволил женить себя на этой простушке! Теперь всю жизнь будет локти кусать. И любовницу завести не может – характер не тот, Родик не их тех, кто изменяет, уж в этом-то Аэлла была на сто процентов уверена, на собственном опыте убедилась. Вот и сидит теперь под боком у скучной и пресной жены, которая только и знает, что готовить, стирать и убирать. Нет у человека в жизни праздника! Остается их только пожалеть, что Аэлла Александриди с удовольствием и делает, оказывая им покровительство и всяческие мелкие услуги и задаривая подарками.

В-третьих, кроме самой Аэллы со спутником и Романовых, Андрей пригласил и свою даму, того самого шеф-повара, от которой он набрался всяких глупостей. Это была женщина чуть постарше Андрея, где-то к сорока, очень ухоженная, очень стройная, одетая ничуть не хуже самой Аэллы, но... по мнению Аэллы, она была отчаянно некрасива. «Андрюха выбирает баб себе под стать, – с удовлетворением подумала она. – Разве настоящая женщина позарится на такого? Бедный, неперспективный и к тому же страшненький. Хорошо, что хотя бы я иногда оказываю ему внимание, а то его жизнь превратилась бы в сплошную унылую тягомотину. Неудивительно, что при наличии такой любовницы он мчится ко мне по первому зову». И это тоже подняло Аэлле настроение.

– Аэлла, мне нужна твоя помощь. – сказала Люба. – Ты могла бы найти приличное место работы для молодой женщины, которая скоро уйдет в декрет?

– Как скоро? Завтра?

– Месяцев через пять. Хотелось бы, чтобы она ушла с хорошей зарплаты. У нее стаж больше восьми лет, так что будет получать сто процентов оклада.

– А что за подружка? – поинтересовалась Аэлла. – Я ее знаю?

– Вряд ли. Она с Родиком в Академии работает.

– А что, разве в Академии маленькие оклады? – удивилась Аэлла. – Я всегда думала, что там хорошо платят. Звания, выслуга, пайки и все такое.

– У нее нет звания и выслуги, она лаборантка, – пояснила Люба.

Аэлла не успела удивиться тому, что Люба просит за какую-то лаборантку, как в разговор вмешался Ленечка:

– Что она умеет? Какое у нее образование?

От Аэллы не укрылось, что Люба бросила на мужа какой-то странный взгляд: не то упрек был в этом взгляде, не то вопрос.

– Она на машинке печатает, – вступил Родислав, откашлявшись. – Образование – десять классов и курсы машинисток-стенографисток.

– Какие курсы? – продолжал допытываться Ленечка. – Где она училась?

И снова Люба бросила на Родислава так и не разгаданный Аэлой взгляд.

– Кажется, на курсах секретарей при МИДе, – ответил он не очень уверенно. – Я точно не помню. Помню только, что их там учили латинской машинописи.

– То есть она может быстро печатать документы на иностранных языках? – уточнил работник Внешторга.

– Да, кажется.

– Так это просто замечательно! У нас как раз в соседнем отделе секретарь-машинистка через две недели уходит в декрет, нужно, чтобы ее кто-нибудь заменил на четыре месяца. Я поговорю насчет вашей протеже. Она придет, поработает, а потом молодая мамаша выйдет из декрета, а ваша знакомая как раз в него и отправится. У нас там платят, как всюду, но есть надбавки за работу с иностранными языками. Только вы имейте в виду, после декрета ее к нам обратно не возьмут.

– Ну как это не возьмут? – возмутилась Люба. – По закону обязаны.

– Так место-то будет занято. По закону ее обязаны трудоустроить, ей предложат место в нашем машбюро. Годится? Ее и проведут изначально как машинистку, а потом временно переведут в отдел, пока секретарь в декрете. Иначе не получится.

И снова Люба как-то непонятно посмотрела на Родислава. Аэлла даже нервничать начала: и чего она все время на мужа поглядывает? Чья это подруга, в конце концов, Любина или, может, Родислава? Сама мысль об этом показалась Аэлле смешной, и она невольно прыснула.

– Так вы поговорите со своей знакомой, – продолжал Ленечка. – Если ее мое предложение устраивает, пусть звонит, скажет, что от Романовых, Аэлла даст вам мой телефон. Все будет в лучшем виде.

– Да, – сказала Люба, – мы поговорим с ней. Спасибо вам большое.

Они сидели в комнате, расположившись на диване и низеньких креслах вокруг журнального столика, на котором с трудом умещались блюда с закусками, тарелки и бокалы. Пока Ленечка вежливо танцевал с дамой Бегорского, а сам Андрей и Родислав увлеченно обсуждали результаты матча за шахматную корону между Анатолием Карповым и «изменником Родины» Виктором Корчным, Люба и Аэлла стали убирать со стола грязную посуду, чтобы освободить место для чашек и десерта.

– Плохо выглядишь, – заметила как бы между прочим Аэлла, когда они оказались вдвоем на маленькой, но очень рационально обставленной и оборудованной кухне Бегорского. – Со здоровьем все в порядке? Или семейная жизнь заела?

– Все в порядке, – сдержанно ответила Люба. – Просто, наверное, после маминой смерти никак в себя не приду.

– Надо за собой следить, – тоном строгой учительницы произнесла Аэлла. – Это не дело – так распускаться. Хочешь, я тебя отведу к нашему самому лучшему косметологу? Пусть подделает тебе процедуры, массажи, маски, чистку тоже надо сделать. Или хочешь, я тебе лицо подтяну?

– Ты считаешь, что мне уже пора? – озабоченно спросила Люба, машинально ощупывая пальцами скулы и подбородок.

Как пластический хирург, Аэлла Константиновна Александриди вовсе не считала, что ее подруге пора делать подтяжку: кожа у Любы была хорошей, натянутой, тургор отменный, и овал лица был юным и безупречным. Но как женщина, которую однажды отвергли, предпочтя ей другую, она не могла удержаться, чтобы эту другую не уколоть, пусть и по мелочи.

– Уже можно. Лучше предупредить старение, чем потом с ним бороться. И ты совершенно запустила голову. Неужели некому тебя постричь?

– Да я как-то к Томе привыкла, а ее теперь нет... Но ты права, конечно, в парикмахерскую давно надо было сходить. Все никак не соберусь, дома много хлопот, дети, хозяйство.

– Вот я и говорю, что тебя семейная жизнь заела, – удовлетворенно констатировала Аэлла. – Посмотри на меня: никаких мужей, только любовники, зато всегда есть время, чтобы заняться собой. Посмотри и сделай выводы.

– И что ты мне предлагаешь? – усмехнулась Люба. – Развестись? Или завести любовника?

Конечно, Аэлле было бы приятнее, если бы Романовы развелись. Это лишний раз подтвердило бы ее правоту: брак был вынужденным, по крайней мере со стороны Родислава, он Любу никогда по-настоящему не любил, и вот как печально все закончилось. И тогда Родислав

обязательно прибежит к ней, к Аэлле, и будет просить прощения, и каяться, и говорить, каким дураком он был, что оттолкнул ее тогда, и у него никогда не было такой женщины, как она, и уже, наверное, не будет... А она еще подумает, как ей себя повести. Может быть, оттолкнет его и унизит в отместку за тот случай, а может быть... Посмотрим. Впрочем, если эта дурашка Люба заведет любовника, то браку тоже очень быстро придет конец: у нее не хватит ума сделать так, чтобы Родислав ни о чем не догадался, а если он узнает, то немедленно бросит жену. Это будет прекрасный повод уйти от нелюбимой женщины и не потерять лица.

– Я предлагаю тебе не сосредоточиваться изо всех сил на домашних делах, – очень серьезно ответила Аэлла. – Быт и уют – это, конечно, похвально, но мужикам нужно от нас совсем другое. Одним уютом еще никому не удавалось удержать мужа.

Люба, казалось, не проявляла к разговору никакого интереса, и это удивило Аэллу. Неужели она действительно полагает, что в ее браке все стабильно и определено раз и навсегда? Неужели она не видит опасности, которая подстерегает всех жен, когда их мужья переступают тридцатипятилетний рубеж? Знала бы Люба, сколько тронутых старением лиц омолодила доктор Александриди только потому, что мужчины в возрасте от тридцати пяти до сорока вдруг переставали интересоваться своими женами и обращали взоры на молодых и свежих! Интересно, как часто Родислав спит со своей женой? Раз в месяц? Или еще реже? Аэлла была уверена, что если это и происходит, то крайне редко: не может такой видный, красивый и уверенный в себе парень, как Родик, всерьез интересоваться этой зачуханной, потухшей бабенкой.

* * *

Ворон всхлипнул и замолчал. Камень деликатно переживал, когда минута душевной слабости у друга минует.

– Вот такие дела, – наконец сдавленным голосом произнес Ворон.

– Да, грустно, – согласился с ним Камень. – А что, Люба и в самом деле так плохо выглядит? Или это Аэлла так ее видит?

– Не знаю я, – буркнул Ворон. – По мне, так она красавица. А Аэлла эта – злюка недобрая, ревнивая и завистливая. И чего Ветер в ней нашел?

– Какая же она недобрая? – возразил Камень. – Вон какие подарки делает, ничего не жалеет. Она щедрая натура, широкая. Другое дело, что она щедрая и широкая только с теми, кого считает несчастными и достойными жалости. Но поскольку она искренне считает себя лучше всех, то весь мир по определению состоит только из бедных и несчастных. А насчет того, что она ревнивая и завистливая, – тут я, пожалуй, спорить не стану. Ну и что там дальше-то было? Устроили Лизу на новую работу?

– Устроили. Она, конечно, сначала ни за что не хотела из Академии уходить, а потом Родислав ей объяснил насчет надбавок за иностранные языки и насчет возможностей, и она согласилась.

– Насчет каких возможностей? – не понял Камень.

– Да ты что! Это же Внешторг!

– Ну и что?

– Как – что? Ну да, – вдруг спохватился Ворон, – ты же не в курсе... Лежишь тут и не знаешь, что такое дефицит.

– Почему же? – обиделся Камень. – Я в курсе, ты сам мне рассказывал.

– Тогда должен понимать, что сотрудники Внешторга постоянно выезжают за границу и имеют возможность привозить оттуда всякое такое, чего в СССР на прилавках нет и никогда не будет. Да ты знаешь, как люди в те времена убивались за то, чтобы устроиться во Внешторг или в любое другое место, которое давало доступ к дефициту? Если ты сидишь на дефиците, то считай, что держишь бога за борodu.

– Да помню я, помню. Ты не отвлекайся, ты про Лизу рассказывай.

– А чего про нее рассказывать? Она вышла на новую работу и вполне довольна жизнью. Правда, возник маленький нюанс. Леля стала по ночам просыпаться.

– Не понял. Что тут такого-то?

– Ну как же? Раньше Родислав уходил к Лизе, когда дети заснут, и возвращался в половине седьмого, потому что в семь Люба их поднимала. А теперь Леля начала часа в четыре – в половине пятого вставать и прибегать к родителям, дескать, ей страшный сон приснился. Хорошо, что в первый раз это случилось, когда Родислав дома ночевал. Девочку долго успокаивали, но до семи утра она так и проспала с родителями. И Люба начала бояться, что в один прекрасный день она точно так же прибежит, а папы в постели нет. И что тогда будет?

– И что, девочка каждую ночь просыпается от кошмаров? – сочувственно спросил Камень. – Бедная крошка.

– Нет, не каждую ночь, конечно, но где-то раз в неделю случается. Вот и пришлось Любе с Родиславом договориться, что он будет возвращаться до четырех. А это, сам понимаешь, проблема. Транспорт-то не ходит, вся надежда только на такси, а это деньги. Но ничего, месяца два он на такси поездил, а там и очередь на машину подошла. Николай Дмитриевич деньгами помог, так что твой Родислав теперь на колесах, как большой. В конце мая Лиза ушла в декрет и в июле родила девочку, Дашей назвали. Ну и началось, сам понимаешь. Пеленки, распашонки, ползунки, кормление, бутылочки, соски, погремушки, бессонные ночи. Даша росла горластая, ревела в голос почти все время. Лиза-то как себе это представляла? Что она будет, как мадонна, с распущенными волосами, красивая, сидеть с младенцем на руках, а Родислав будет смотреть и умиляться. На самом деле все получилось не так, и если младенец на какое-то время умолкал, Лиза моментально засыпала, причем в любом положении, чем бы она ни занималась. Просто отключалась моментально – и все, вот до какой степени ей спать все время хотелось! И тут уж не до плотских утех было. Если Родислав приезжал, то в основном таскал дочку на руках, чтобы она не орала и Лиза могла поспать. При таком раскладе он, конечно, не рвался ездить туда слишком часто, так что первые несколько месяцев он чаще ночевал дома, чем у любовницы. Прошли два месяца оплачиваемого декретного отпуска, и встал вопрос: отдавать ребенка в ясли и выходить на работу или сидеть с дочкой до года, но без зарплаты?

– И что решили?

– Ну, ясное дело, решили, что пусть Лиза сидит с малышкой, а Родислав будет ее содержать.

– Это кто же так решил? Лиза? Или Родислав сам сподобился?

– Ну шас! Сподобится он. Люба решила.

– Люба?! – Камень ушам своим не поверил.

– А то кто же? Ну ты сам подумай своей каменной замшелой башкой: кто еще может принять такое решение? Родислав, конечно, лентяй и сибарит, он напряжения не любит, но он же не зверь, он понимает, что двухмесячную кроху в ясли отдавать – это чистой воды садизм. Значит, надо, чтобы Лиза сидела дома до года. А кто будет ее содержать, если ей на работе зарплата не полагается? Он и будет. Только надо деньги на это из своей зарплаты выделять, а как? Деньги-то немалые, это тебе не коробочку конфет и бутылочку шампанского прикупить, это взрослую женщину целый месяц содержать, кормить, поить, одевать, да еще и ребенка, которому тоже все время что-то надо. Такую сумму из зарплаты за здорово живешь не отначишь. Поэтому без согласия Любы это было бы невозможно. Но у Родислава язык не повернулся сказать жене, что так, мол, и так, я решил. Он с ней советоваться начал, дескать, как ты считаешь, как лучше сделать, а Люба – добрая душа, сразу говорит: конечно, Родинька, это твой ребенок, и ты должен о нем заботиться. В общем, опять она сказала то, что он хотел услышать. А он и рад.

– Ничего себе! – присвистнул Камень. – И как это сказалось на семейном бюджете Романовых?

– Да плохо сказалось, ясен перец. Люба начала со страшной силой на всем экономить, но ведь на детях экономить нельзя, им фрукты нужны, соки разные, одежда, они ж растут не по дням, а по часам, значит, надо экономить на себе и на муже. Вот где уроки Анны Серафимовны пригодились! Люба-то моя из ничего конфетку может сделать, никто сроду не догадается, что такой шикарный стол на три копейки накрыт. В общем, с питанием она кое-как выкручивалась, а вот чтоб кофточку себе новую купить или даже колготки – это нет. Зашивала и старые доншивала. Кстати, я посмотрел, как она колготки зашивала, – чуть с ветки не рухнул! Знаешь, чем она шила?

– Ну, чем? Иголкой, наверное, чем же еще.

– Да это понятно, что иголкой! А в иголке-то что?

– Ну, нитка. Чего ты привязался? – огрызнулся Камень.

– Щас! Нитка. Не нитка, а волос. Она волос у себя из головы выдергивала и в нитку вдевала, получается тонко, и цвет подходящий, ничего не видно, если аккуратно зашивать. Представляешь?

– Нет, – честно признался обалдевший Камень, – не представляю. А что, нельзя было тонкие нитки купить? Это тоже дефицит?

– А то! В те времена в СССР почти все было дефицитом. Толстых ниток навалом, а тонких, чтобы колготки зашивать, – наищешься. С продуктами тоже беда, самые простые в магазине есть, а как что получше – так только по блату или в пайках. Колбаса на прилавке только вареная, копченых и особенно сырокопченых не достать, сыра два сорта, да и то не каждый день, в общем, караул. Майонез в баночках за тридцать шесть копеек – и тот не купить просто так, надо ловить, когда выбросят.

– Куда выбросят? На помойку?

– На какую помойку, лопух ты палеолитный! На прилавок выбросят. Это термин тогда такой был – выбросить. Значит, продавать.

– Ах вон чего, – протянул Камень. – Так и говори.

– Я и говорю. Хорошо еще, что у Любы на заводе пайки хорошие давали, и у Родислава в Академии тоже, но самые лучшие пайки были в Министерстве, где Головин служил. Он все время дочери продукты подбрасывал. И вообще, после смерти жены он полностью сосредоточился на двух вещах: на службе и на семье дочери. Звонит по три раза в день, про все спрашивает, все выясняет, всем руководить пытается. Задушил прямо своей любовью, продохнуть невозможно. Люба, конечно, радуется, что отец в депрессию не свалился, но, с другой стороны, она от такого тотального контроля давно уже отвыкла. Ну, одним словом, ничего, как-то все устаканилось, хотя Люба все время в страшном напряжении: вдруг отец заметит, что с деньгами что-то не то. Она же знает, какой он глазастый и внимательный, она до сих пор не забыла, как просила у отца пятнадцать лет назад билет в театр для Андрея Бегорского и оказалось, что Николай Дмитриевич прекрасно знает Андрея понаслышке и даже помнит, что тот увлекается шахматами, хотя самого Андрея ни разу в глаза не видел. В общем, боялась она ужасно. У него память-то отличная и глаз приметливый, он же не мог не замечать, что дочь за несколько месяцев ни одной обновы ни мужу, ни себе не купила. Так она знаешь что делала? То и дело просила у Аэллы какую-нибудь тряпочку, якобы ей куда-то там надо и надеть нечего, надевала при отце, а потом возвращала Аэлле. Так и выкручивалась. Значит, Лиза родила девочку в конце июля, лето прошло, осень, советские войска вошли в Афганистан, наступил восьмидесятый год, зиму перезимовали, весна наступила, а там и май месяц, когда у маленького Николаши день рождения. Вот тут-то все и случилось.

– Что случилось? – встрепенулся Камень.

– А все, – загадочно ухмыльнулся Ворон. – Наступил день, который перевернул всю их жизнь.

* * *

В эту ночь Родислав Романов очень нервничал, возвращаясь от Лизы, – с вечера раскапризничалась маленькая Леля. Конечно, родители сами виноваты, не надо было брать ее с собой в кино, но девочка так просила взять ее, она так не хотела оставаться дома в субботу вечером, когда не нужно делать уроки – в младших классах уроки на понедельник еще не задавали, давая малышне возможность от души отдохнуть в выходной. Люба и Родислав собирались посмотреть новый фильм Андрея Тарковского «Сталкер», о нем много говорили те, кто уже видел картину, и кинофильм шел как раз в ближайшем кинотеатре. Леля готова была разрыдаться от обиды, что ее в субботу вечером оставляют дома одну – Николаша убежал с друзьями по своим мальчишеским делам, – и пришлось взять ее с собой.

Уже во время сеанса Люба почувствовала, что они с мужем совершили ошибку. Не надо было брать ребенка на такое серьезное и страшное кино. Мрачные пейзажи, странная девочка с повязанной платком головой, обладающая необычным даром, трагические переживания героев, загадочные слова персонажей – все это оказало на Лелю сильное воздействие. Сперва она была задумчивой, потом стала подавленной, а к тому моменту, когда Люба стала укладывать ее спать, Леля заявила, что боится, что у нее перед глазами все время стоит та странная девочка в платке, которая может взглядом двигать стакан, и еще кучи мусора и огромные куски колючей проволоки. Девочка в конце концов уснула, но Люба несколько раз заходила в детскую и видела, что сон у малышки беспокойный, она ворочается и постанывает.

– Может быть, ты можешь сегодня не ездить к Лизе? – робко спросила она мужа. – Я боюсь, Лелька в любой момент может увидеть во сне что-то страшное, проснется и прибежит к нам, а тебя нет.

– Я не могу, Любаша, – виновато произнес Родислав. – Я ей обещал приехать и дать немножко отдохнуть, она ведь совсем не спит из-за Дашки. У Лизы уже руки отваливаются все время носить девочку, а она успокаивается только на руках. Пойми меня.

– Конечно, конечно, – вздохнула Люба.

– Я постараюсь вернуться пораньше, – пообещал он.

– Спасибо.

Но вернуться пораньше не получилось, он смог вырваться от Лизы только в три часа ночи, когда десятимесячная Даша наконец утомилась. Ночные дороги были пустынные, и на своих новеньких «Жигулях» Родислав быстро домчался от дома на улице Маршала Бирюзова до своего дома на Юго-Западе Москвы.

Он вышел из машины, стараясь не хлопать дверцей – май стоял теплый, и все спали с открытыми окнами, а ему совсем не хотелось внезапным шумом разбудить кого-нибудь из соседей или, что еще хуже, чутко спящую дочку. Войдя в подъезд, Родислав решил, как обычно, не пользоваться лифтом – в ночной тишине гул и скрежет слышны очень хорошо – и пошел на четвертый этаж пешком. Едва он начал подниматься, как услышал, как на третьем этаже открылась и захлопнулась дверь одной из квартир и раздались торопливые шаги. «Черт, как некстати, – подумал он. – Сейчас меня увидит кто-нибудь из соседей, разговоры пойдут. И спрятаться негде». Он начал быстро прикидывать, не спуститься ли ему вниз и сесть в лифт, пока его не заметили, но в эту секунду мимо него промчался совершенно незнакомый молодой мужчина с перекошенным от ужаса лицом. Одежда его была в беспорядке, рубашка только накинута на обнаженный торс и не застегнута, волосы растрепаны, лицо бледно-зеленое, словно он увидел привидение. Родислав посторонился, пропуская его на узком лестничном пролете: ему пришлось буквально вжаться в стену, чтобы незнакомец не сшиб его с ног.

«Слава богу, он не из наших жильцов. Или из наших? Во всяком случае, я с ним не знаком, будем надеяться на то, что и он меня не знает и ни с кем не станет обсуждать», – с облегчением подумал Родислав и стал подниматься на свой этаж.

Дверь квартиры была, как обычно, не заперта, Люба не спала, сидела на кухне и читала книгу.

– Почему ты не спишь? – тихонько спросил он.

– Лельку караулю. Она уже два раза просыпалась и порывалась прийти к нам спать, но я ее перехватывала здесь и говорила, что тебя нельзя будить, что у тебя был трудный день и тебе нужно выспаться, потому что завтра у нас праздник, день рождения Коли, и всем нужны будут силы, чтобы как следует повеселиться. Поила ее теплым молоком с медом.

– Пойдем спать, – сказал Родислав. – Теперь уже не опасно, пусть прибегает к нам. Пойдем, Любаша, я с ног валюсь.

– Есть хочешь?

– Хочу, – признался он со смущенной улыбкой. – Лизе не до готовки, сама понимаешь.

– Конечно. Иди раздевайся, я сейчас все приготовлю. Если Лелька опять проснется, пусть видит, что ты в пижаме, будто бы только что встал.

Он быстро переоделся, натянул пижаму, торопливо съел приготовленную Любой еду, и они отправились в спальню.

– Как завтра день построим? – спросил он, укладываясь поудобнее.

– Боюсь, за нас уже все решили, – усмехнулась Люба. – С утра пораньше приедет папа с подарками, часов в двенадцать придет твоя мама, она уже два раза звонила, уточняла, к которому часу ей прибыть. Так что торжественный обед состоится часа в два. А к пяти придут Колины друзья, для них предусмотрен чай со сладостями. Правда, боюсь, что эта часть плана Кольку не устраивает, он предпочел бы, чтобы мы дали ему денег и отпустили на улицу.

– Зачем? – не понял Родислав.

– Ну, Родинька, ему исполняется пятнадцать лет, он считает себя совсем взрослым. Он уже ноет, что не хочет жить в одной комнате с Лелькой, что они друг другу мешают. А с друзьями он хочет погулять, может быть, в кино сходить, пепси-колы выпить, это сейчас модно у подростков. Потом соберутся у кого-нибудь дома, будут музыку слушать и с девочками танцевать. Покурят, само собой, а возможно, и пива хлебнут.

– Пива? – ошарашенно переспросил Родислав. – Покурить? Ты что, хочешь сказать, что наш сын в пятнадцать лет курит и пьет пиво?

– Родинька, наш сын – точно такой же, как все остальные мальчики в его возрасте. Они все покуривают и при возможности пьют пиво или даже дешевое вино. Ничего страшного, ты не должен этого пугаться, все через это проходят. Ты себя вспомни в этом возрасте.

– Я не пил пиво! – От возмущения Родислав даже забыл о необходимости говорить шепотом.

– А вино, которое вы с Андрюшкой покупали тайком, копили деньги, которые вам давали на мороженое? Думаешь, я забыла? – Люба ласково взъерошила мужу волосы. – И курить вы бегали в заросли сирени, я сама видела. Андрюха таскал по одной папироске у Сашкиного отца, когда тот не видел. Я даже помню, что это был «Казбек». И ничего, Андрей до сих пор не курит и не спился.

– Ну, ты сравнила. Мы с Андрюхой были сознательные, нас это не испортило. Мы вообще другими были. А эти нынешние акселераты...

– Успокойся ты. Это просто болезнь взросления. Тем более если папа задержится у нас на целый день, то Кольке придется остаться дома и привести к нам своих друзей, а у нас им никто не позволит пить и курить. Ты же понимаешь, что дед его из дому не выпустит, пока не выведает все подробно: куда внук пойдет, с кем пойдет, зачем, что они собираются делать. Папа

становится с годами страшным занудой. Кольке проще будет не пойти, чем объяснять и что-то врать, потому что, если он скажет правду, дед костыми ляжет, но не выпустит его из дома.

Они замолчали, и Родислав уже начал засыпать, но тут ему показалось, что проснулась Леля. Он сел в постели, прислушиваясь.

– Что ты? – открыла глаза Люба.

– Кажется, Лелька проснулась. Слышишь шаги?

– Это Коля. Наверное, в туалет встал.

Люба не могла перепутать шаги своих детей. Родислав через некоторое время услышал шум спускаемой воды в унитазе, потом тихие шаги прошлепали через коридор в детскую, и снова наступила тишина.

– Любаша, – позвал он.

– Да? – сонно откликнулась Люба.

– Ты не знаешь, кто у нас живет на втором этаже?

– В тридцать третьей квартире Новиковы, Коля с их сыном в одном классе учится. А в тридцать четвертой – Ревенко, муж с женой и дочкой. И еще бабка, мать кого-то из них, но я не знаю точно чья. А почему ты спросил?

Родислав рассказал о мужчине, который с вытаращенными глазами выбегал из тридцать четвертой квартиры.

– Наверное, Надин хахаль, – равнодушно заметила Люба. – Геннадий работает водителем на «Скорой», у нас тут подстанция рядом, часто дежурит по ночам, а Надька мужиков водит, когда дочки с бабкой нет. Об этом весь дом знает.

– Надо же, – протянул Родислав. – А я и не знал. Я вообще с соседями не очень... Не знаю никого.

– Ну, это естественно, ты же все время работаешь, а я, пока с детьми гуляла, со всеми перезнакомилась. У этих Ревенко дача в Солонцах, и девочку с бабкой каждые выходные туда отправляют, так что, если у Геннадия выпадает ночное дежурство, Надя себе ни в чем не отказывает.

До утра они проспали спокойно, Леля больше не просыпалась, а в восемь часов к ним в спальню влетел заспанный Николаша с диким воплем:

– Предки! У меня день рождения! Давайте скорее поздравляйте меня и дарите подарки!

Пришлось вылезать из постели, чтобы достать из шкафа пакет с дисками – Челентано, Джо Дассен и «Иисус Христос Суперзвезда». Правда, пик моды на рок-оперу миновал лет пять назад, но Коле она по-прежнему нравилась, и он давно хотел иметь настоящий фирменный диск, а не слушать двадцать пятую перезапись на отечественном магнитофоне.

В разгар обычной воскресной утренней суеты явился Николай Дмитриевич. Его подарок был серьезнее – романы Пикуля «Пером и шпагой» и «Битва железных канцлеров». Коля горячо расцеловал деда и долго благодарил, вызвав у генерала Головина улыбку умиления, но Родислав заметил, что парень унес книги в детскую и небрежно сунул в угол. Исторические романы ему неинтересны, но для деда нужно было сделать соответствующую мину. «Подлизывается, паршивец, – с неудовольствием подумал Родислав. – Стараются, чтобы дед относился к нему так же, как бабушка, все прощал и все с рук спускал. Но деда не проведешь. Надо будет поговорить с Любой, чтобы была аккуратнее с отцом, дозировала информацию, не все ему рассказывала про Кольку, а то ведь всю плешь проест, что мы его плохо воспитали. Любаша права, все Колькины выкрутасы – это болезнь переходного возраста, но деду разве объяснишь? Он человек старых правил».

В двенадцать часов прибыла Клара Степановна, а в половине первого раздался звонок в дверь. На пороге стоял участковый Варфоломеев и рядом с ним – невысокий крепыш в джинсовом костюме и с блокнотом в руках.

– Старший лейтенант Гринев, уголовный розыск, – представился крепыш. – Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Пожалуйста, – Родислав посторонился, пропуская неожиданных гостей в прихожую, – проходите.

– Кто хозяин квартиры?

– Я.

Гринев заглянул в блокнот.

– Романов Родислав Евгеньевич?

– Так точно.

– Кто еще с вами проживает?

– Жена, Романова Любовь Николаевна, и дети, Николай и Ольга. А что случилось-то?

– Вы сегодня ночевали дома?

– Ну конечно, – не моргнув глазом солгал Родислав. – А где мне еще ночевать? Мы все были дома. Да вы проходите! Вот сюда, пожалуйста.

Он провел оперативника и участкового в гостиную, где за столом сидели Николай Дмитриевич с Лелей на коленях и Клара Степановна.

– Вам нужен только я или жену тоже позвать? – спросил он.

– Нам нужны все, кто ночью находился у вас в квартире, – строго сказал Варфоломеев, толстый немолодой капитан, краснолицый и одышливый.

«Как принц Гамлет, – вдруг совсем некстати подумал Родислав. – Про него Шекспир тоже написал: «Он тучен и одышлив». Неужели Гамлет был похож на нашего участкового?»

– Любаша! – позвал он.

Из кухни прибежала Люба, поверх юбки и футболки повязан фартук, руки по локоть в муке.

– Кто пришел? Ой, здравствуйте, – приветливо улыбнулась она. – Добрый день, Михаил Филиппович.

Родислав с удивлением понял, что его жена знакома с участковым. Впрочем, о том, что она знает почти всех соседей по дому, он тоже узнал всего несколько часов назад.

– Что случилось?

– Видите ли, – начал крепыш Гринев, – в вашем подъезде сегодня ночью совершено убийство гражданки Ревенко из тридцать четвертой квартиры. Вы ничего не видели? Может быть, слышали что-нибудь? Шум, крики, скандал. Нет?

– Нет, – Люба пожалала плечами. – Я вообще-то плохо спала, у нас дочка все время просыпалась, и мне приходилось вставать и успокаивать ее, но я ничего такого не слышала.

– А вы? – обратился Гринев к Родиславу.

– Я тоже ничего не слышал.

Он почувствовал, что его начинает мутить. Значит, тот мужчина, который выскочил в половине четвертого ночи из тридцать четвертой квартиры на втором этаже, был убийцей! И он, Родислав, его видел. Но не признаваться же в этом здесь, сейчас, в присутствии матери и тестя, в присутствии детей! Это значит давать объяснения: почему он возвращался домой в такое время, откуда он ехал и так далее. Это означает конец всему, и спокойствию детей, и спокойствию близких, и карьере. Он инстинктивно потянулся к жене, сделал шаг, чтобы встать рядом с ней, и обнял за плечи. Люба сразу поняла, что происходит с мужем, быстрым движением обтерла ладони о фартук и взяла Родислава за руку.

– А что Геннадий говорит? – спросила она спокойно, как ни в чем не бывало. – Вы его спрашивали?

Гринев замаялся, и тут в разговор вступил Николай Дмитриевич.

– Родислав Евгеньевич – майор милиции, адъютант Академии МВД, много лет проработал следователем. А я – генерал-лейтенант Головин. Вот мое удостоверение.

Он вынул из кармана висящего на спинке стула пиджака красное удостоверение и протянул Гриневу. Тот прочел, побледнел и вытянулся в струнку.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! Простите за беспокойство, мы не знали...

– Плохо, – Головин повернулся к Варфоломееву. – Это я вам говорю, товарищ капитан. Вы должны знать всех сотрудников милиции, которые проживают на вашем участке. Когда вы вели старшего лейтенанта в эту квартиру, вы должны были знать, что здесь проживает офицер милиции. А вы этого не знали. Плохо.

– Прошу прощения, – удрученно пробормотал Варфоломеев, и Родиславу стало так жалко бедного служаку, что он на секунду даже забыл о подступающей тошноте.

– Надеюсь, исправитесь. Старший лейтенант, вы можете спокойно все нам рассказывать. В нашей семье все очень хорошо понимают, что такое тайна следствия. Так что сказал вам Геннадий?

И снова Родислав удивился цепкости внимания своего тестя. Мало того, что он из комнаты услышал, как Гринев, представляясь, назвал свое звание – старший лейтенант, так Николай Дмитриевич еще и запомнил слова Любы и очень ловко воспользовался услышанным, чтобы создать впечатление, что он полностью в курсе и знает, о чем спрашивает.

– Геннадий Ревенко сегодня ночью дежурил, – сообщил Гринев. – Он пришел домой в десять утра и застал жену убитой. Сразу же вызвал нас.

– Но вы проверяли, он никуда не отлучался с дежурства? – спросил Головин.

– Сейчас как раз идет проверка. Ничего более точного сказать пока не могу, – доложил оперативник.

– А вы, стало быть, вместе с участковым осуществляете поквартирный обход?

– Так точно!

– Ну что ж, желаю вам удачи. Здесь, как видите, живут молодые люди и дети, они спят крепко, а если просыпаются, то не имеют привычки выглядывать в окно. Вы лучше поспрашивайте стариков, они частенько мучаются бессонницей, да и в окошки смотреть любят. Да, и мамаш с новорожденными детками не забудьте, эта публика тоже плохо спит по ночам.

При этих словах Родиславу стало совсем невмоготу. Такое ощущение, что тесть все про него знает и каждое сказанное слово предназначено лично ему, неверному мужу его дочери.

– А... – произнес он и запнулся.

– Слушаю вас, товарищ майор, – повернулся к нему оперативник.

– Я хотел спросить: как ее убили? Чем?

– Кухонным ножом зарезали. Восемь ножевых ударов, из них шесть – в жизненно важные органы.

Родислав почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Всего несколько часов назад он лицом к лицу столкнулся со страшным и безжалостным убийцей, маньяком, зарезавшим кухонным ножом молодую женщину, свою любовницу. Или свою жену? Ведь Родислав совершенно не представляет себе, как выглядит этот Геннадий Ревенко. Кого он видел ночью на лестнице? Мужа? Или любовника? Но в любом случае он видел того, кто совершил это ужасное преступление. Родислав вспомнил, что, когда тот мужчина пробежал мимо него, локоть незнакомца слегка коснулся его плеча, и вздрогнул: в этой руке за несколько секунд до встречи был окровавленный нож, который вонзался в теплое незащищенное тело.

Он больше не мог бороться с тошнотой и выскочил из комнаты.

– Родинька! – донесся ему вслед голос матери. – Что с тобой?

Закрывая за собой дверь ванной, Родислав услышал голос жены, произносящий что-то мирное и успокаивающее. Как хорошо, что у него есть Люба, которая все понимает и всегда защищает его.

Когда он снова вернулся в комнату, участкового Варфоломеева и оперативника Гринева уже не было, а Николай Дмитриевич со знанием дела рассказывал Кларе Степановне основы

криминалистики, касающиеся раскрытия и расследования убийств. Клара Степановна слушала раскрыв рот.

– В первую очередь всегда проверяют членов семьи, – вещал Головин, – практика показывает, что чаще всего убийства по месту жительства совершают люди из ближнего круга. Так что они сейчас проверят этого Геннадия, а уж если у него твердое алиби, тогда начнут прорабатывать другие версии.

Родислав не мог этого слышать и вышел на кухню, где Люба вместе с Николашей и Лелей лепила пирожки. Ему хотелось поговорить с женой, но это было невозможно: совместно изготовленные пироги давно стали неизменным ритуалом любого праздника, и если Николаша, конечно, с радостью отправился бы к себе в комнату слушать новые диски, то Леля ни за что не позволит лишиться себя этого удовольствия.

– Я посижу тут с вами, ладно? – сказал он как можно беззаботнее.

– Конечно, Родинька, – кивнула Люба. – Ох, я, кажется, забыла купить сметану.

Она открыла холодильник и заглянула внутрь. Родислав точно помнил, что накануне вечером, когда он помогал Любе разгружать набитые продуктами сумки, сметана была, но промолчал.

– Точно, – огорченно сказала она, – забыла. Коля, сбегашь?

– Не вопрос, – тут же откликнулся сын. – А на пепси дашь?

– Ну что с тобой сделаешь! – рассмеялась Люба. – Сегодня ты именинник, сегодня тебе все можно.

Она достала из кошелька две рублевые бумажки и протянула Николаше.

– Возьми две пачки сметаны и три бутылки пепси, как раз хватит. Да, и Лелю возьми с собой.

– Я не хочу! – заупрямилась девочка. – Я с тобой хочу и с папой.

– Ну правда, мам, зачем мне Лелька? – заныл Коля. – Что я, две пачки и три бутылки сам не куплю?

– Коля, возьми, пожалуйста, Лелю, – терпеливо повторила Люба. – Она сегодня и так без прогулки останется, пусть хоть чуть-чуть пройдет. На, возьми еще полтинник, купите себе по мороженому.

– Тогда ладно, – повеселела Леля. – Пошли, Николаша.

Коля угрюмо поплелся к двери. Родислав понял, что парень хотел использовать полчаса свободы для встречи с друзьями, а присутствие сестры эти планы нарушает. Ничего, потом с друзьями пообщается.

Дети ушли, Николай Дмитриевич продолжал проводить ликбез с Кларой Степановной.

– Разве у нас нет сметаны? – спросил Родислав. – Кажется, вчера ты покупала. Куда же она делась?

Люба молча открыла холодильник и достала сине-бело-желтую упаковку.

– Ты специально отправила детей? – догадался он.

– Да. Я же видела, что ты хочешь поговорить. Давай поговорим, пока папа и Клара Степановна увлечены беседой.

– Люба, ведь я видел его, – сдавленным шепотом сказал Родислав.

– Я понимаю. Но что же делать. Родинька? Мы же не могли при папе, при твоей маме и при детях признаваться в том, что ты не ночевал дома, правда? Если бы мы заранее знали, что так все обернется, мы придумали бы какую-то причину, по которой тебе нужно было выйти из дома. Например, у меня разболелся зуб, и ты ездил в дежурную аптеку за анальгином, а на обратном пути встретил убийцу. Но мы заранее не договорились, ты сразу сказал, что ничего не видел и спал дома, и у нас просто не было другого выхода.

– А как выглядит этот Геннадий... как его?

– Ревенко, – подсказала Люба. – Невысокий, крепкий такой, много седины, он рано стал седеть. Лицо грубое. А тот, кого ты видел, как выглядел? Так же?

– Нет. Он был совсем другим. Довольно молодой, стройный, и седины никакой не было. Лица я не помню, да я и не разглядывал, наоборот, я думал, что это кто-то из соседей, и старался отвернуться, чтобы меня не узнали, так что в лицо ему не смотрел. Но получается, что это был точно не муж. Ужасно, ужасно... Теперь я даже не смогу дать показания – Николай Дмитриевич узнает.

Люба засунула в духовку противень с пирожками и повернулась к мужу.

– Думаешь, узнает? А как?

– Ты сама подумай: он представился, показал удостоверение. Теперь этот опер расскажет своему начальству, что познакомился с заместителем министра Головиным, а те-то и рады будут прогнуться при каждом удобном случае, так что постараются, чтобы твой отец получал всю информацию о ходе следствия. Я даже не исключаю, что он сам проявит инициативу и будет интересоваться расследованием. Он сразу же узнает, что я давал показания, потому что был свидетелем. Нет, теперь мне придется молчать.

– Ничего страшного, Родинька, – Люба ласково коснулась пальцами его руки. – У вас в милиции работают опытные профессионалы, они и без твоих показаний разберутся и найдут виновного. Не казни себя. Ты действительно не мог поступить иначе. Конечно, это я во всем виновата.

– Ты? – вытаращился на нее Родислав. – А ты-то в чем можешь быть виновата?

– Ну как же, Родинька, когда ты мне рассказал, что встретил на лестнице какого-то мужчину, я должна была сама подумать, какие могут быть последствия, и предложить тебе вариант правдоподобной лжи, если вдруг что... А я ничего не предприняла. Мне надо было предвидеть, что все может так обернуться, что нас могут спросить про этого мужчину.

– Ты должна была? А я, выходит, не должен был? – скептически переспросил он.

– Родинька, тебе было не до того. Ты ночь не спал, ты нервничал, ты переживал за Лелю, у тебя совсем другое было в голове. Я сама во всем виновата. Ничего, все будет хорошо.

Она еще долго что-то говорила, одновременно нарезая овощи и очищая картофель, и Родислав постепенно успокаивался. Действительно, в милиции работают настоящие профессионалы, уж ему ли не знать, и они обязательно во всем разберутся и без показаний Родислава Романова.

* * *

Заканчивался второй год обучения Родислава в адъюнктуре, ему приходилось почти ежедневно ездить в Академию: если на первом году обучения адъюнкты должны были посещать занятия для подготовки к сдаче кандидатских экзаменов, то на втором году за ними закрепляли учебную группу, в которой они весь учебный год вели занятия со слушателями по своей специальности. Конечно, к чтению лекций их не допускали, а вот вести семинары и практические занятия – милое дело. Когда при таком режиме писать диссертацию, Родислав не очень-то понимал, но, к слову сказать, написать ее особо и не стремился. Три года адъюнктуры он хотел использовать для того, чтобы обрести связями не только в Москве, но и по всей стране, завести нужные знакомства и найти-таки возможность оказаться в Оргинспекторском управлении Министерства внутренних дел. Ему хотелось быть тем самым высокопоставленным чиновником, который регулярно выезжает на места для проведения проверок и осуществления контроля и перед которым все заискивают, заглядывают в глаза и ходят на цыпочках. Он знал, что проверяющих холят и лелеют, селят в самых лучших номерах гостиниц, кормят и поят от пуза и устраивают различные «культурные программы», от экскурсий в заповедные места до посещения охотничьих домиков и «закрытых» бань со всеми прилагающимися к этому атрибутами.

Но для того, чтобы получить соответствующую должность, нужно было не только обрасти связями – нужно, чтобы Родислава заметили. Одним словом, надо было, что называется, попасть в обойму. И он старался изо всех сил, завязывал отношения с другими адъюнктами, с преподавателями, со слушателями и очень любил ездить с различными поручениями в министерство, где тоже делал все возможное, чтобы произвести хорошее впечатление и оставить по себе добрую память. Высокий, красивый, улыбчивый, обаятельный, общительный, он неизменно располагал людей к себе и вызывал доверие. Зачем ему диссертация? Он хорошо помнил, как незабвенная Анна Серафимовна не уставала повторять: главное богатство человека – это люди, которые его окружают, которым с этим человеком хорошо и которые всегда готовы прийти на помощь. Так что в Академии Родислав Романов занимался не столько научной работой, сколько формированием своего окружения. Надо отметить справедливости ради, что он не делил людей на «нужных» и «ненужных», на «ценных» и «ценности не представляющих», он завязывал отношения со всеми и старался эти отношения постоянно поддерживать, много и охотно помогал своим знакомым, а если не мог реально помочь, то всегда живо интересовался, как идут дела, проявляя сочувствие и понимание.

В один из дней, когда не нужно было проводить занятия со слушателями и Родислав находился дома (предполагалось, что он работает над диссертацией), раздался телефонный звонок: следователь, ведущий дело об убийстве Надежды Ревенко, просил Родислава Евгеньевича с супругой подойти для беседы и дачи показаний.

– Но жена сейчас на работе, – растерянно ответил Родислав. – Она будет дома только вечером.

– Я буду вас ждать до девяти часов, – вежливо ответил следователь. – Даже до десяти, если нужно.

– Хорошо, мы придем.

До возвращения Любы с работы он места себе не находил. А вдруг они поймали убийцу и тот признался во всем и сказал, что на лестнице столкнулся с каким-то мужчиной, и дал описание Родислава? И теперь его замучают вопросами о том, почему он сразу не сказал правду, и будут пугать уголовной ответственностью по статье о лжесвидетельстве и будут упрекать и тыкать ему в нос честью офицера милиции, а потом обо всем узнает генерал Головин... Ничего другого ему в голову приходило. Ну в самом деле, зачем его допрашивать, если он ничего не видел и не слышал? Объяснение вызову в прокуратуру было только одно: настоящий убийца пойман и дает показания.

– Не волнуйся, Родик, – успокаивала его Люба, – еще ничего не известно. Может быть, все не так, как ты опасешься. Хочешь, я пойду одна, без тебя? Скажу, что ты сидишь с детьми, которых не с кем оставить. Хочешь?

Он хотел. И еще как хотел! Но разве это спасет положение? Если выяснится, что он давал ложные показания, пусть только в разговоре с оперативником, не под протокол, то неприятностей он не оберется, а Любу притянут за соучастие, ведь она-то не могла не знать, что муж не ночевал дома!

Они пошли вместе. Следователь оказался вполне приятным мужчиной средних лет, который уже был в курсе, что Родислав Романов – его коллега, с которым можно говорить на одном языке, и, кроме того, зять замминистра генерал-лейтенанта Головина.

– Скажу сразу, – заявил он без долгих предисловий. – Геннадий Ревенко арестован по подозрению в убийстве своей жены.

– Он что, признался? – Родислав не смог скрыть изумления, которое, впрочем, не вызвало у следователя ни малейших подозрений. Люди часто искренне удивляются, узнав, что кто-то из их знакомых или соседей совершил преступление.

– Он все отрицает, но есть улики, как прямые, так и косвенные. Например, у него на работе, на подстанции «Скорой помощи», не нашлось ни одного человека, который мог бы

с уверенностью сказать, что Ревенко всю ночь был на виду и никуда не отлучался. Конечно, сам Ревенко никому не говорил, что хочет, например, сбегать домой проведать жену или ему надо куда-то съездить, но возможность такая у него была: вызовов было немного, а до дома ему быстрым шагом идти минут пять. Во всяком случае, ни один работник подстанции не может точно утверждать, что он никуда не отлучался. Ну и следы на ноже, которым была убита женщина.

– Следы? – переспросил Родислав.

– Пальчики, – пояснил следователь. – На рукоятке обнаружены следы пальцев Ревенко. Он, конечно, все отрицает, клянется, что с территории подстанции не выходил, помещение покидал только для того, чтобы покурить на улице, ну а что касается ножа, то это их нож, и он им, естественно, всегда пользовался, в том числе и в тот вечер: забегал домой поужинать в перерыве между выездами и резал им хлеб и колбасу. Так я, собственно, зачем вас пригласил-то: мне нужно собрать доказательства того, что супруги Ревенко часто ссорились и скандалили. Два свидетеля у меня уже есть, и мне сказали, что вы, Любовь Николаевна, можете тоже это подтвердить.

– Могу, – уверенно кивнула Люба. – Я познакомилась с Надей Ревенко, когда гуляла с дочкой в близлежащем скверике, там все мамы с детьми из нашего дома гуляют. У Нади девочка на два года старше нашей Лелечки, кажется, ее зовут Лариса.

– Верно, – поддакнул следователь, заглянув в свои бумажки. – Лариса, семидесятого года рождения.

– Надя сама рассказывала мне, что ее муж страшно ревнив и постоянно устраивает ей скандалы.

– А что, у него были для этого основания?

– Вот уж не знаю, – Люба пожала плечами. – Я Надю с посторонними мужчинами не видела. А так... Кто знает. Но то, что скандалы были, – это точно, я своими ушами несколько раз слышала, как они кричали друг на друга. Они ведь на втором этаже живут, и если окно открыто, то на улице все слышно. Гена и поколачивал ее, я видела Надю с синяками, да она и не скрывала, опять, говорит, Генка сцену ревности устроил. То есть говорила... – поправились она.

Весь допрос крутился вокруг одной темы – ревности Геннадия Ревенко. Родислав сразу предупредил, что с Надеждой знаком не был и о скандалах знает только со слов жены, сам ничего не слышал и не видел, поэтому все вопросы следователя были адресованы Любе, а ее муж просто сидел, молчал и внимательно слушал. Ни о каком постороннем мужчине, который мог бы находиться в квартире Ревенко, речь так и не зашла. На языке у Родислава крутился вопрос, который ему было страшно задавать, но он понимал, что, как бывший следователь, просто не может его не задать.

– Скажите, а что, во всей квартире нет вообще никаких следов, кроме следов хозяев? Почему вы полностью исключаете, что был кто-то третий, кого Надежда привела к себе, пока муж на дежурстве?

– А мы этого и не исключаем, – улыбнулся следователь. – Более того, мы не исключаем, что так оно и было, в квартире был посторонний, иначе зачем бы Ревенко убивать свою жену? С какой стати? Он мог прибежать с дежурства, чтобы проверить, чем занимается его неверная супруга, застать ее с любовником и убить. А любовник убежал. Но поскольку Ревенко все отрицает, а его жена мертва, мы не можем этого любителя замужних дам найти. Следы-то есть, а вот с чьими образцами их сравнивать? Один из наших оперативников настаивает на этой версии, но мне она, честно признаться, кажется чрезвычайно сомнительной.

– Но, может быть, это все-таки любовник ее зарезал? – не отступал Родислав. – А Геннадий говорит правду.

Следователь устало вздохнул, всем своим видом показывая: только потому, что в этом кабинете сидят дочь и зять заместителя министра, я еще трачу силы и время на то, чтобы объяснять очевидные вещи, хотя мне давно уже пора быть дома и наслаждаться общением с семьей.

– У Геннадия Ревенко нет доказанного алиби, зато есть доказанный мотив. Одного этого было бы вполне достаточно для предъявления обвинения, а ведь есть еще нож со следами его рук. На ноже вообще следов много, в том числе и следы убитой, и смазанные следы третьего лица, но следы Ревенко – единственные неповрежденные, нестертые, то есть он держал нож в руках последним.

– И при этом он все отрицает? – снова удивился Родислав. – Как же он объясняет наличие этих следов?

– Говорит, что взялся за нож, когда обнаружил жену. Надеялся, что она еще жива, хотел помочь. Нож действительно был извлечен из раны на тот момент, когда приехала дежурная группа, и лежал рядом с телом на полу. Но это старый приемчик. Ясно, что Ревенко совершил убийство ночью, потом вернулся на работу, доработал до конца смены, пришел домой, вынул нож, чтобы оправдать наличие своих следов, и вызвал милицию. Проще пареной репы. Кстати, никакого любовника в квартире, скорее всего, вообще не было. Мы опросили всех подруг Надежды Ревенко, и все они в один голос утверждают, что она верна мужу и никогда ему не изменяла. Реальных поводов для ревности у Геннадия никогда и не было, просто она была очень красивой женщиной, а этот Ревенко – настоящий патологический тип, маниакально ревнивый, он постоянно проверял жену и мог устроить скандал только из-за того, что она скажет доброе слово о каком-нибудь мужчине. И дома он постоянно проверял наличие следов пребывания посторонних. Я думаю, что он прибежал среди ночи, увидел какую-нибудь мелочь, которую интерпретировал по-своему, затеял очередной скандал и в приступе ярости убил жену. Скажу вам больше: если бы в квартире, кроме самой Надежды, был какой-то мужчина, то весь дом проснулся бы. Одно дело, когда муж ночью возвращается, тихонько осматривает квартиру, что-то ему не нравится и вызывает подозрения, он подходит к мирно спящей жене и наносит ей восемь ножевых ран. Потом так же тихо уходит. И никто ничего не слышит. И совсем другое дело, когда он застает жену с любовником. Начинается разговор, причем сразу же на повышенных тонах, потом поднимается крик, жена оправдывается, любовник пытается ее защитить, обманутый муж, что вполне естественно, пытается ударить соперника, между мужчинами возникает драка. И никто во всем подъезде ничего не слышал? Никогда не поверю. Ну что, Родислав Евгеньевич, я вас убедил? Вы больше не сомневаетесь в моем профессионализме?

– Я в нем и не сомневался, – вымученно улыбнулся Родислав. – Извините, если задавал слишком много вопросов и лез не в свое дело. Профессиональная деформация.

Они дружески распрощались, и Романовы отправились домой.

– Он прав, – уныло констатировал Родислав, когда они вышли из здания прокуратуры и сели в машину. – Если бы Геннадий пришел домой и застал у жены любовника, шум стоял бы на весь дом. На нашем этаже, может быть, ничего и не было бы слышно, но уж соседи из тридцать третьей наверняка проснулись бы. У них же общая стена, все слышно, особенно ночью. Значит, Геннадия там вообще не было. А я видел именно убийцу. Понятно, что Гена ни в чем не признается, он действительно не виноват.

– Следователь разберется, – заверила его Люба. – А если не он, то адвокат на суде докажет невиновность Геннадия. Родинька, не казись, у нас с тобой все равно нет выхода. Мы с тобой уже не сказали, что ты видел того человека, мы с тобой уже промолчали, и пути назад у нас нет. Плохо, конечно, что Гену арестовали, но его выпустят, я уверена. У нас не могут посадить невиновного. Максимум, в чем мы с тобой виноваты, это в том, что еще одно преступление останется нераскрытым. Но ты же сам мне рассказывал, как много преступлений

остаются нераскрытыми. Ну, будет одним больше. Зато мы сохраним папино здоровье, спокойствие детей и твою карьеру.

Черт возьми, Люба всегда умела быть такой убедительной!

* * *

– Нет, как тебе это нравится? – негодовал Камень. – Как тебе нравится это «мы с тобой», а? Она опять все берет на себя. И опять она его уговорила.

– Мастерница, – согласно поддакнул Ворон. – Впрочем, твой Родислав сам хотел, чтобы его уговорили, так что ты на мою Любу бочку не кати.

– Так она всегда говорит только то, что он хочет услышать! – не унимался Камень. – Как с детства начала, так и продолжает.

– Ну а что в этом плохого? Она его любит, всю жизнь любит, вот и старается, чтобы ему было хорошо. Если бы она говорила не то, что он хочет услышать, ему было бы с ней плохо. Скажешь, нет?

– Знаешь, друг мой сердечный, я тебе скажу одну умную вещь, только ты не обижайся. Люба Родиславу всю жизнь врет. Вот такая она чудесная, вот такая она золотая, так сильно его любит, что врет ему всю жизнь. Это хорошо, по-твоему?

– Да где же она врет-то? – возмутился Ворон и сердито захлопал крыльями. – В чем она его хоть раз обманула? Ну, я не беру в расчет печальные страницы ее романа с Олегом. Это было всего несколько месяцев. А ты говоришь – она врет всю жизнь. А ну, докажи!

– Тут и доказывать нечего. – Камень внезапно успокоился, ступив на привычную стезю логического доказывания, где он чувствовал себя как рыба в воде. – Возьми хоть самый первый раз, когда они только познакомились. Видела она, что он трус, испугался, когда его отцу должны были ставить укол? Видела. А что она ему сказала? Что он чудесный мужественный мальчик. А потом, когда в лесу к ним ребята из соседней деревни пристали, видела она, что он трус? Видела. А что сказала? Что он совершенно правильно поступил, когда не кинулся заступаться и защищать ее и стоял молча, как воды в рот набрал. Она же его напрямую обманывала. И так и продолжала обманывать, когда постоянно убеждала его в том, что он прав. Она же умная у нас с тобой...

– У меня, – сварливо перебил его Ворон. – У меня. Ты к моей Любе ручонки не протягивай. У тебя Родислав есть.

– Хорошо, она умная у тебя. И не может не понимать, где он на самом деле прав, а где не прав. Вот когда он конверт с какой-то бумажкой, важной для следствия, потерял или вообще выбросил, он же не прав был, он совершил непростительный служебный проступок, это даже ребенок понимал бы, а по-Любиному вышло, что ничего страшного и он имеет право на ошибку. То есть он вроде как опять во всем прав. Вот ты объясни мне, зачем твоя чудесная умная Люба все время обманывает моего глупого и трусливого Родислава? Она же развращает его, неужели сама не понимает?

– Любит, – вздохнул Ворон. – А любви прощается все. Она так сильно его любит, что хочет, чтобы ему было хорошо и спокойно, несмотря ни на что.

– А может, она не только его успокаивает, но и себя?

– А ей-то чего беспокоиться? – удивился Ворон. – Не она же труса праздновала. И бумажку служебную не она потеряла. И если уж брать совсем последний пример, не она дома не ночевала и не она следствие обманывала.

– Ну, она тоже обманывала, – резонно возразил Камень. – Она же знала, что муж возвращался домой от любовницы и видел настоящего убийцу. Знала? Знала. Промолчала? Промолчала. Ради мужа промолчала.

– Не только! Не только ради мужа! Ради спокойствия своих детей и отца.

– Да какая разница?! – взорвался Камень. – Какая разница, ради кого она лжет? Важно то, что она врет. То есть попирает истину, священную и неприкосновенную! Да, я согласен, мой Родислав – полное барахло, трус, слабак и лентяй, любитель удовольствий и не любитель платить за них, но твоя Люба-то куда смотрит? Она же своей постоянной ложью делает его еще хуже! Неужели ты не понимаешь? Вместо того чтобы постараться изменить любимого, сделать его лучше, усовершенствовать, воспитывать, она его развращает, потакает его слабостям и все спускает ему с рук. Ведь с их сыном происходит в точности то же самое, ему потакают, все с рук спускают, потому что его, видите ли, невозможно не любить, такой он ласковый и чудесный. А он и пользуется.

– Ну, ты загнул! Сын-то тут при чем? Люба ему не врет.

– Да, не врет, но и правду не говорит. Почему она не скажет сыну, что он – маленькое корыстолюбивое чудовище, что он думает только о деньгах, что он вовсе не самый лучший на свете, как ему внушили бабушки, и что у него все получается только потому, что он подлиза, а вовсе не потому, что он самый умный и ловкий. Он же свято уверен в своей непогрешимости и в том, что он действительно лучший, а ведь это не так, и Люба-то отлично это видит. Так почему она ему об этом не скажет?

– Вот и видно, что ты – камень, а не человек, – рассердился Ворон. – И сердце у тебя каменное, бесчувственное. Носишься со своей истиной, как с писаной торбой. А я как знаток человеков скажу тебе, что материнское сердце ничего общего с истиной не имеет. Для матери ее ребенок всегда будет самым лучшим, самым красивым и самым умным, если она хорошая мать. И то, что она говорит своему дитянке, ничего общего с ложью не имеет, она искренне верит в то, что говорит. Говорит то, что думает, а думает так, как видит. Другое дело, что она видит не совсем правильно, но матери же вообще смотрят не глазами, а сердцем. Да тебе этого не понять, бирюк ты скалоподобный! Там, где любовь, там включается сердце, а там, где сердце, нет места истине, ты понял, глыба ты неповоротливая?

– Я понял твою позицию, – сдержанно ответил Камень. – Но я ее не разделяю.

– Это почему же? – набычился Ворон.

– Потому что она противоречит здравому смыслу. Есть философия, в ней существуют разные категории и понятия, в том числе понятие истины и категории этики, одна из которых – справедливость, а справедливость невозможна без истины. Тебя послушать, так получается, что в человеческом обществе понятие истины вообще неприменимо, потому что у всех есть сердце. А это значит, что справедливость среди людей в принципе недостижима. Ты к этому ведешь?

– Не знаю я, чего ты там бормочешь, я в твоих философских премудростях не силен. Я тебе про жизнь рассказываю, какая она есть, а ты меня все время сбиваешь. И никуда я не веду, я тебе сериал рассказываю. Будешь дальше слушать?

– Буду, – хмуро ответил Камень.

– Значит, Люба с Родиславом попереживали немножко и решили, что надо помочь семье Ревенко, там же дочка маленькая осталась с бабкой, мать убита, отец арестован.

– Оба решили? – недоверчиво уточнил Камень.

– Ну, Люба решила, – неохотно признал Ворон. – Но Родислав не возражал, наоборот, он все время чувствовал себя ужасно виноватым и не знал, как вину искупить, мучился, вот Люба и предложила помочь семье, пока отец находится под стражей, – видела, что мужу тяжело. Пошли они на второй этаж к соседям, так, мол, и так, наслышаны про ваше горе, примите наши соболезнования, может, помочь чем надо? Видят: девочка забитая совсем, испуганная, плачет, чужих боится, бабка тоже слабо вменяемая...

– Она по какой линии бабка? – снова перебил Камень.

– Мать Надежды. Девочка, оказывается, очень испугалась, когда пришли милиционеры и прямо у нее на глазах отца арестовали, так что, когда заявились Люба с Родиславом, она в угол

забилась и начала кричать, чтобы бабушку не забирали. Бабка по имени Татьяна Федоровна тоже вся в рыданиях, все-таки дочку только что похоронила, одним словом – полный караул. Люба ей помощь предлагает, скажите, мол, что нужно, мы все сделаем, но бабка только руками машет, дескать, не надо нам ничего, Наденьку мою не вернуть, одна надежда, что отца девочке все-таки отдадут, разберутся и отдадут. Может, он и виноват, но разве это по справедливости, когда детей сиротинят, ну и все в таком духе. Противная она.

– Кто?

– Да бабка эта. Хотя, может, это она от горя такая стала, – размышлял вслух Ворон. – Когда у людей горе, они вообще странно себя ведут и всякую ересь несут. Если Геннадий виноват, то он должен сидеть в тюрьме, при чем тут дети-то? Думать надо было о детях, когда он жену ножом резал, чего уж теперь-то.

– А если не виноват? – задал вопрос Камень. – Если Надежду Ревенко действительно убил случайный любовник, которого видел Родислав? Почему ребенок должен страдать?

– Ну, там без нас разберутся.

– А ты сам-то не знаешь? – хитро прищурился Камень.

– Чего я не знаю? – сразу же нахохлился Ворон.

– Кто убил.

– Да откуда ж мне знать? Я туда не лазил. Я в это время за Родиславом смотрел, как он дочку нянчит и домой едет.

– А еще раз не попадешь?

Ворон обиделся. Да, его мастерство далеко от совершенства, да, он не может попасть два раза в одно и то же место, если предварительно не поставил метку, да, он, в конце концов, не Змей! Но зачем же постоянно попрекать этим и тыкать мордой в грязь?

– Если тебе не нравится, как я смотрю, – гордо начал он свою привычную угрозу, но Камень миролюбиво остановил его:

– Мне все нравится. Ты перья-то опусти, чего они у тебя дыбом стоят, как шерсть у злобной кошки. Все мне нравится. Рассказывай дальше.

– А дальше Люба предложила отправить маленькую Ларису на дачу вместе с Колей, Лелей и Кларой Степановной. Бабка на дыбы, дескать, они не какие-нибудь нищие, у них свой дачный участок имеется. Люба ей объясняет, что девочка после такого потрясения должна сменить обстановку, что ей на даче с Лелей будет хорошо, и присмотр за ними будет, и подружек у Лели много, так что Ларисе скучать не придется. Но Татьяна Федоровна твердо на своем стояла: у них на даче тоже подружки имеются, а после такого горя расстаться со своей кровиночкой-внучечкой она никак не может, потому как никого больше на этом свете у нее, кроме Ларисы, теперь не осталось. Только зять, да и тот супостат, родную жену прирезал, дочку сиротинил – и дальше все по новой насчет справедливости. Тут Родислав вмешался и говорит: «А кто Геннадию передачи в следственный изолятор носить будет, если вы на дачу уедете?»

– Хороший вопрос, – усмехнулся Камень, – особенно если учесть, что бабка зятя супостатом считает.

– Во-во! Бабка-то и отвечает, что, мол, этому извергу рода человеческого она никакие передачи носить не собирается. Вот пусть сперва следствие разберется, докажет, что он не убивал, тогда она позволит Генке вернуться в семью.

– А бабка что же, уверена, что это он убил?

– На все сто пятьдесят процентов! Все скандалы-то у нее на глазах происходили, и как он Надежду бил, она видела, и как он угрожал убить ее рано или поздно, тоже слышала. Так что у нее ни малейших сомнений нет. Она у следствия идет как главный свидетель обвинения. Ее даже предупредили, что ей придется на суде показания давать. Ты меня не сбивай! Значит... – Ворон задумался. – Опять я забыл, на чем остановился. Вечно ты со своими вопросами рассказывать мешаешь.

– Ты остановился на том, что Татьяна Федоровна не собирается Геннадию передачи в тюрьму носить.

– Да, – Ворон откашлялся, прочищая горло. – Тут Люба кошелек достает и предлагает ей денег, вы, говорит, на похороны и поминки поистратились, а вам себя нужно содержать и ребенка, возьмите. Бабка опять на дыбы и ни в какую! Мы, дескать, не нищие и в подачках не нуждаемся. У нас все есть. Люба не обиделась, деньги молча на сервант положила, мало ли, говорит, как жизнь сложится, вдруг да понадобятся, а если не понадобятся, то потом как-нибудь отдадите. И помните, Татьяна Федоровна, мы всегда рядом и на нашу помощь вы всегда можете рассчитывать. Не стесняйтесь, обращайтесь, мы все-таки соседи и должны друг другу помогать. На том и расстались. Бабка через пару дней вещи собрала и вместе с внучкой на дачу умотала, лето уж началось. И, между прочим, денежки, которые Люба оставила, с собой прихватила, не забыла. Я же говорю, противная она. Лицемерная какая-то. Ну чего, дальше, что ли, лететь? Или еще о чем-то спросить хочешь?

Камень призадумался. Он, конечно, большой любитель неспешных повествований с множеством деталей и подробностей, но надо и честь знать. Ворон и в самом деле не Змей, уж куда попадет – туда попадет, тут не до жиру. Впрочем, в самом начале он говорил что-то о суде, на котором присутствовали Люба и Родислав. И вроде бы Ворон там даже вешку поставил, так что на суд-то он точно попадет. Если это, конечно, суд над Геннадием Ревенко, а не какой-нибудь другой.

– Ты говорил, что видел какой-то суд, – осторожно начал он, боясь снова обидеть старого друга.

– Ну да, как раз в восьмидесятом году, летом, аккурат перед Олимпиадой, там еще олимпийские мишки и разноцветные кольца по всему городу понатыканы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.